

10-го апреля 1930 г.

П Р А Г А

ГОД ИЗДАНИЯ 3-ий

55

10-го квітня 1930 р.

П Р А Г А

РІК ВИДАННЯ 3-ий

Л. БИЛИНСКИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

1. В. Седов: У моря.
2. Ис. Быкадоров: Донской казак — Тимофей Разин
3. Валентин Конопацкий: * * * Вірші.
4. Колонизация или ушкуйничество.
5. Инж. В. Бейсуг: „Пятилетка“ у нас.
6. М. Бытыньский: Национальные цвета и флаги.
7. А. А. Гейман: Пластуны в Великую войну.
8. Н. Нечуй-Левицкий: Вдуматься — отомстить.
9. Сергей Макеев: Перуанские настроения.
10. Думы и мысли.
11. Казачья пресса.
12. Среди русской эмиграции.
13. Казачья эмиграция.
14. В Казачьих Землях.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“.

Подк. Русь. — В. Т. — Получено. Хорошо. Привет.

Польша. — В. Е. — Получено. Исполнено. Привет.

С. С. Р. — И. Б. — Посылается. Привет.

Франция. — И. Ш. — Получено. Спасибо. Привет.

Югославия. — А. Ч. — Спасибо за доброе слово. Привет.

Югославия. — Я. К. — Спасибо. Привет.

Румыния. — В. Е. — Получено. Ответ будет. Привет.

Югославия. — А. П. — Все получено. Привет.

Франция. — Е. Я. — Исполнено. Привет.

Румыния. — А. Е. — Хорошо. Всем привет.

Болгария. — П. К. — Спасибо. Будем делать наше общее дело каждый на своем месте. Привет.

Польша. — А. С. — Хорошо. Привет.

Румыния. — П. С. — Гадаємо, що тих відомостей про Перу, що вміщені в попередньому (54) числі „В. К.“, яко ж і того, що містимо в цьому, цілком для Вас вистарчить, щоби узнати правду. Вітаємо.

Řiřany. — Н. Л. — Получено. Привет.

Югославия. — В. К. — Послано. Привет.

Франция. — С. Л. — Положение наших оккупантов действительно тяжелое, но — готовы ли казаки к возвращению? Или вы думаете, что все устроится само собою? — Нет, там само собою ничего не устроится.

Не принятые к напечатанию рукописи не возвращаются.

Представители журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“:

В Ч. С. Р.:

В БРНО: Виктор Карпушкин.

В БРАТИСЛАВЕ: А. Л. Перидсков.

В ПОДЄБРАДАХ: Ф. М. Штовхань.

В БОЛГАРИИ:

Т. Л. Ляхов. София, ул. Хаджи-Димитров, 3.

Н. В. Аниканов. С. Княжево-Софийско, бульв. Царь Борис, 85.

Н. Егоров. Лом, ул. Царь Асенъ, 20.

А. Шапошников. Сливен.

Санжа Мукуенов (для калмыков). София, кв. Хаджи-Димитров, ул. Вомбри, 24.

В ЮГОСЛАВИИ:

Б. А. Кундюков. Београд, Драгачевска, 15.

Ф. Г. Polkovnikov. Zagreb, Kuniščak, „Ruski dom“.

А. П. Чорный — А. Čorny. Drvar, Vrbaska Ban.

А. А. Гейман. Зајечар.

Г. В. Алферов — Томаševac (Banat).

В РУМЫНИИ:

В. П. Елисеев. M-eur Elisseeff, Cluj, Str. Baba Novac, 23.

В О ФРАНЦИИ:

С. М. Макеев. (M-eur S. Makeeff). Le Grillon, Cagnes s/m, France.

С. Б. Аршинов (район Лиона). M-eur Archinoff, Maison Bel-air, 22, à Dècines.

С. К. Поляков. — M-eur Polakoff, Rombas.

Е. М. Якименко. M-eur Jakimenko, 44, rue Rouelle, Paris (15).

Т. К. Хоруженко. M-eur Horouchenko, 14, chemin des deux amants, Lyon-Vaise.

К. Ш. Сасыков (район Гренобля). M-eur Sassykoff, Cite Viscose, b-t 505, Echerolle, Pont de Claix.

С. И. Шепель. — M-eur Chepel, canep Victor Hugo, Refuge Russe, Marseille.

Б. Х. Бембинов (район Нанта). M-eur Bembinoff, Verreries de „Bretagne“ à Verton.

В БЕЛЬГИИ И ЛЮКСЕМБУРГЕ:

Ив. П. Егоров. (M-eur I. Egoroff) 21, rue Godefroid Devreese, Bruxelles.

В ПОЛЬШЕ:

Вл. Еремеев. W. P. Wl. Ieremiejew, Grajewo, Strażacka, 3.

С. Тулаев. — W. P. S. Tulajew, Hotel „Sokolowski“, ul. Niemecka, 1, Wilno.

— LES COSAQUES LIBRES —

Двухнедельный журнал литературный и политический.

Редактор И. А. Билый.

Редакция и контора: Praha-Vinohrady, Radhoštská, 9. Tchécoslovaquie.

№ 55

Прага, четверг 10-го апреля 1930 г.

№ 55

В. Седов. (Франция).

У МОРЯ.

На прибрежной скале одинокий стою
И смотрю на шумящее море.
Свою грусть и тоску я ему отдаю.
На душе необъятное горе.
Пар клубится седой
Волны шумной грядой,
Набегая одна на другую,
С плеском лижут мой берег крутой
И поют мне про вольность былую.
В песне слышу напев
И свободный припев

Про дела наших рыцарей дедов, —
Как, все в жизни они претерпев,
Не покинули вольных заветов
И в темнице сырой
За турецкой стеной,
Умирая в тяжелой неволе,
Пели только про край свой родной
О ковыльном казачьем раздолье...
Море бурно шумит —
Как ковыль шелестит,
Когда ветер свободный подует.
В шуме волн словно мне говорит —
Не тоскуй, Дон тебя не забудет.

Ис. Быкадоров.

Донской казак — Тимофей Разин.

(Сказы про старобытье казачье).

(Продолжение).

Сказ 13.

*Где и как лебедушка с журавушкой
повстречались.*

Тимоша и 2 молодца Филю с Фатимой в стружке дожидались, а как под тот бок отплыли они и под яром в тени оказались, налегли на свои бабаечки и в Черкасский немешкая помчались.

Побранились, „покочелись“ в сердцах, а на другой день односумы и померились: как задушевно побеседовали, да как друг другу во всем открылись, то неделеного и не осталось — одному лебедушка, другому его журавушка любилась, оказалось.

А в садике родиловском Филю с Фатимушкой Наташа с Глашей дожидалась. А как увидала лебедушка журавушку кинулась к ней и с ней поцеловалась. И пошли после того все гурьбой в курень, а как по ступенькам наверх они поднимались, поднявши скрып, Глашину матушку и разбудили. А Епиха Никитич по войсковым делам был в Маныче, возвращенья его уже после зорьки чаяли.

Немало в курене все потешались, гомон, крик и смех там раздавался. Сказывал Филя, как он и Фатима на стане повстречались и как потом по нем они пробирались; показывал сестрице он и всем, как обернулись они перед тем — он криворотым и хромым, а она казаком от рождения немым и как она до самой воды не отгибаясь с земли, искала сбежавшей лошадки следы.

Посмеялись Наташа с Глашею власть. А в пору ту дверь — скрып и в горницу — шась: родитель Наташи вошел, лучшего времечка возвратиться из Маныча, знать, не нашел. Ахнули все! Наташа лишь одна не смутилась, кинулась к батюшке и во всем ему повинилась.

А Епиха Никитич — как тучка сгустилась; вот грянет и гром, чешет чело и молвит при том:

— „Да, необычное дело свершилось у нас. Навсегда наше Войско ославится, как про дельце твое всеми узнается. А как скрыться ему, хоть того, как свершилось оно и не видели? Будет царь в гневном большом, что посла его так на Дону избидили“.

А Наташа, увидивши, что и родителю ее полюбился, как со спасеньем Фатимы ловко все так совершилось, и молвит ему:

— „Да когда ж у нас, батюшка, такие дела совершались, чтоб царя московского равно и султана турецкого гнева за них казаки б опасались? Сам сказывал — гневом их, как и Дон зачался они николи не смущались. Во благо то Войска свершилось: семейного люда у нас поприбавится, а забубенных головошек хоть малость убавится. Бобылем братцу „будет“ ходить, прохладжатым по станам, бражником слыть, и без него будут охотнички“.

И метнула Наташа взором на Тимошу, как с тетивы тугой стрелу пустила. А молодец: как маков цвет. Знать стрела та не пропала, куда ей метилось туда она и попала.

А у Фатимы, — Наташа после молвит, — видно такова уже доля, что будет муженек у нее казак, а ежели к тому Божья воля, то ни московскому царю ни турецкому султану тому не воспрепятствовать никак*.

Все уже видали, что грозвые тучки мимо пробежали, и слышат — не гром гремит, а Епиха Никитич говорит:

— „Ой, придется мне, Наталья, в обмен на Фатиму послу московскому тебя отдать, а на придачу пойдет и Марья, чтоб она тебя не покрывала, увезет боярин вас в Москву, и Дона Тихого вам больше не выдать“.

— „Да ежели со мной ты, батюшка, расстанешься, то ты, ведь, совсем без дочери останешься, — молвила в ответ Наташа, — а у меня — у меня есть батюшка и другой: все его знают, и все Дон Иванович его величают. Русалкой обернувшись, я тут останусь, а с Доном-Батюшкой я уж не расстанусь.“

Еще потешились, погутарили о том немало, что в Главном Войске еще не случалось, не бывало.

И дал Епиха Никитич под турецкую девицу свою гнедую кобылицу и умчал Филя с односумом в Маньч заморскую жар-птицу.

А наутро молодцы назад вернулись, туда — сюда часа в три обернулись: на стан пошли послов для провозанья, чтоб не было на них там ябеды какой, иль нареканья.

Сказ 14.

Что в ту ночь, как девица пропала, стража необычное слышала.

Обменялись в канун отплытия послы с донскими атаманами прощальным чествованием, а ввечеру стали собираться в путь-дороженьку. После же зорьки утренней в день отбытия и совсем стали складываться. А как сняли шатры в пору ту и оказалось: запропастилась Фекла неведомо где, ни на стане и вблизи нигде ее не отыскалось. В шатровой горнице лежала лишь ее одежда, без коей девице и показаться на люди было б непригоже.

И в татарской станице про девицу „пытали“, не пошла ль перед отплытьем Аллаху помолиться? И вверх и вниз от стана по реке искали — не случилось ли что с девицей со страху, как пошла водичкой освежиться? Стал посол с дьяком у караульных вопрошать — не довелось ли им что необычное видать, или слышать?

Стража стрелецкая московская, ховившая у шатров, их сторожившая до поздних петухов, поведала послу: — „Ходило в страже двое нас — я да, значит, рыжий Апонас, Пантюшка ж чревом захворал, ушел в шатер — слышали мы, как там он охал да стонал. Заполночь было: кочеты в Черкасском „прокукаречили“ не меньше с час. Слышим — на реке „чевось-то“ взвизгнуло или завыло. Собака — не собака? А ежели она, — друг друга мы пытаем, — как на воду она попала? Чего было визжать, ежели через нее она переплывала. А ежели не она — так что? Бились — бились, никак не отгадаем. Глядим посла того — два молодца чрез стан идут от нас недалеке, видать нам — направляются к реке. Ну мы — вестимо, как не спросить, хоть идут почти что мимо — откуда, как зачем, куда? А сами зирк туда, сюда: идут то с чем? Приметили — у одного из них в руке узда.“

И поведали они нам — паслись де у них лошадки „по тернам“, из них распуталась одна и вот никак не сыщется она. Долго в займище они кружились, языки свои высунули и с ног почти что сбились... Проведали мы все у того, что узду с собою нес, а другой, как нам товарищ его сказал, был от рождения немой — ну нам то ведомо и самим — ежели немой то, значит и глухой, не отгибаясь от земли следы он все искал. Голосом он не немой, а тот — другой, который, то-есть тот, что про него нам сказал и шел с уздою... голосом он был как будто с Филейкой схож. А обличем своим он на него, то-есть, совсем был не похож: одну ногу волочил, а другою ковылял. Да и кривое рыло у того хромого было, и левое око свое никак не открывал. И пошли с немой кривой, к тому же и хромой... да

и посмеялись же мы с них, аж за животы свои с натуги брались... пошли они к берегу реки, где наши стоят струги, проведать у воды, не видны ль там лошадки их следы. Ну мы во всю глядели, чтоб не зацепили что у нас со стана. Лошадка то у них когда пропала? Как раз перед отплытьем каравана?

А ежели что у нас теми казаками и вправду загадалось, ведомо тебе, боярин, им того никак не удалось. Какая рухлядь была у нас на стане, вся целая осталась потому, ведь, были мы в охране.

А стража стрелецкая у берега стоявшая, струги посольские там охранявшая, о всем что ведала так послу о том поведала:

— „Ходили мы, значит, до тех, покех не токмо вторые кочета в Черкасском все прокукаречили уже, а и все перепела за станом „проперепелечили“. И ходили мы не вдвоем, а все, стало быть, втроем, потому, как в страже быть московским припадат, так у нас чревом хворых не бывает. А того касательно, что на воде „чевой-то“ взвизгнуло, али завыло то лучше ведать нам, потому как от нас то ближе было. Ежли была б то выль, то так бы не визжала, а ежели была то сука, то чего ей выть, река тут не Ока, плонуть переплыть. Да токмо то не животина выла, удостоверились — нечистая была то сила. Как перекстившись, „Да воскреснет“ прочитали, так уж ни визга и не воя не слышали. Апосля того похаживаем и в трешетку стукатим и во всю, значитца, глядим. И увидали — у нашего берега виднеется стружок. Три молодца сидят и, не выходя на бережок, себе местечко они глядят, где б его для улова рыбки краше выбрать им, то-есть снастями „вентерям“ своим. Ну, мы тешась, значит, и гутарим им: — „Удим, удим, а вечерть завтра видать будем?“ А один из них и буркнул нам в ответ, глухой или чудак:

„Да нет, московские земляне, мы не ловим ни ершей ни шук, а красная иль золотая рыбка уж никак не минует наших рук“.

А по приходе тех молодцев двоих — немого да хромого... Что тот хромой был к тому же и кривой, то и слепой бы увидал, да токмо кривым он был не на левый, а на правый зрак, не открывал не закрывал его никак. Статься может — Фока в страже у шатров видал его, да не с того бока.

А как они, то-есть, хромой с немой к нам пришли и к стружку поближе подошли и тех, что в стружке приплыли, на тот бок перевести на тот бок их попросили, чтоб там следов лошадки поискать, не переплыла она туда, хотелось им узнать. А тот чудак везти не соглашался и „почем зря“ на них ругался.

А как хромой полез было в стружок, то чудак его за то веслом чуть не ударил в бок. И тут они еще лучше заругались и немой притом мычал, будто как кривому жару поддавал.

Ну, тут уж мы больше не стерпели, и со всей строгостью на них мы зашумели, чтоб от стана они подалее убирались и тут больше б не ругались. И к тому же еще и припугнули — да ежели де посла будет встревожен сон, да ежели проснется он, то ни единый из вас в городок здоровым не вернется. И тем они еще больше напужались: притихли и больше не ругались. А каков их был испуг, с того было видать, как хромого и немого сажали насех в струг, и как погреблись от берега во весь свой дух.

А тот глухой, статья может, и глупой и загорланил как отплывали: „Поглядите, московские земляне, не распуталась ли как лошадка у вас, и не улетела ль она как попас?“*) Над дуростью его все и в стружке смеялись. Отплывши и под тем боком скрывшись, они близ нас уже не появлялись. А на свою лошадку они напали ль, иль хоть следы ее сыскали ль, то нам неведомым осталась, потому как их не было, то нами и не узналось.

Выслушал посол стражных людей своих, и видит все люди не сводят глаз с него, ожидаючи, какова будет речь его. Погладив расправил боярин бороду свою, назад под кафтаны фалды руки скоронил, брюхо выпятил вперед и начал поучать свой так народ:

*) Попас — пастбище.

— Что и сказывать нам — народ „дошлый“ казаки в ратном деле не ударят рылом в грязь, что говорить — не дураки, не оплашают и перед нашими людьми. А ума нашего московского им Господь не дал, теперь то всяк видал; одним слепым то не видеть. Да ежели б им нашей московской сметки, разумения да изворотливости, хоть малость бы придали, то на весь белый свет стали б людьми славными, знаменитыми.

Да где ж то было видано и где то было слышано, чтоб золотая рыбка в Дону иль в иной какой реке водилася? Не один десяток ден будет дурень чаять, ждать и ловить ее умается вздумал ловить, где она и не заводилася, а она так-таки ему и не поймается. И кем то было видано, иль кем то было слышано, в чужой земле, или у нас когда, чтоб распутавшись лошадка летела б на попас, а не бежала, не скакала бы туда? Ну уж и молодцы, ну и мудрые же?.. И закатился боярин, аж чрево его „заходило ходуном“.

Ну и все люди московские рады были позубоскальничать, потешиться над донскими молодцами, благо из них никоторого на стане не было, туда еще они в пору ту не прихаживали.

И молвил напослед боярин людям своим: — „В догадку теперь, православные, вам — пошто донские казацкиши, калеки переходже, пожаловали к нам; зачем они на стан забрались, почему они тут оказались? Статься может за лошадкой своей „скандыбая“ они и гнались, да при том что на стане плохо лежит, стянуть, беспременно собирались. Да в страже то у нас были, ведь, люди московские — проглядеть, не так-ковские“.

И велел боярин стражным людям дать за их в ночь ту службу-радение по чарке вина в награждение. А Пантюшке же не вел он давать, чтоб как в стражу в череду ему идти, не повадно бы было ему своим чревом хворать.

Сказ 15.

Приманочка пропала — как все уверились — в воду она упала.

А вскоре после того, как стражные по чарке вина выпили и усы свои вытерли, пришел на стан для провожанья послов Атаман Войска Главного, Епиха Никитич, с есаулами, станичными атаманами и с донскими молодцами. Пришло войско пешее и войско конное, не одна сотенка набралась, приплыла из Черкасского и судовая рать.

Войскового же, Смаги Степановича Чертенского с ними не было: „не в честь“ было б ему на провожанье идти. Ино дело было б, ежели б на стане был сам московский царь, иль турецкий султан, ну тогда б и Войсковому Атаману было б в пору на их провожанье пойти. Обычай посольские казаки добре ведали и промышки в них они не делали.

Поведали посол с дьяком Епихе Никитичу, что сами от стражи они проведали и просили атамана молвить, что и как ему о всем думается. Покрутил Епиха Никитич усы свои и говорит, свои очи прищуривши, — повадка у него такая водилася:

— „Ежели правду, боярин, люди твои тебе сказывали, что осталось в горнице турецкой девицы одеяние, статься может они тебе его и показывали, без коего девице и показаться на улице было б людям на посмеяние, так куда же запростила девица и почему она нигде не находится? Да при-том подумать надобно и о том — кому одеяние без всякой надобности, кто без него совсем обходится?“

Примолчал Епиха Никитич малую толику, чтоб всяк о том своим умом-разумом прикинул, а в пору ту сам очами своими весь народ окинул, и молвит далее, ус покручивая:

— „По казачьему моему уму-разуму: оборотно да русалке она без всякой надобности, они без нее всегда обходятся. А ежели турецкой девице одежда ее больше уж не понадобилась, то, стало быть она в русалку обернулася, в воду вкинулася, и на стан уж больше не вернулася“...

А люди московские то услышавши стали меж собой

шептать: — „И до сего нам от людей было слышать, а теперь нам и самим видать — атаман казацкий имеет разум наш — русацкий. И чего на белом свете не бывает, не случается? И каких только делов на нем не совершается, и каких в нем не бывает бед? А на Дону видно всякой нечести всегда не пост, не сыропуст, а всегда мясоед“

А казаки переговаривались между собой: — „И не таких вас наш атаман в годы смутные видал, обхождение с вами тогда еще знал! Как боярина он „обработает“ тот не приметит, не узнает“.

Помолчал Епиха Никитич и, едва приметно усмехаясь, молвит далее послу:

— „Слышали от тебя, боярин, наши атаманы, да про девицу сказывали нам и басурманы, сказывали они нам“... Промолвил Епиха Никитич и прервал, как будто что-то вспоминал.

А боярин побелел и лик свой долу опустил, а сам думает-гадает: „Проведал, сатана, от посла турецкого людей, что Фекала мной не куплена, будь проклята она, а султаном турецким мне в дар дана. Пришла моя погибель“. И дух боярин затаил и бельмы свои закрыл, с тревогой ожидая: вот-вот атаман, тайное промолвив, по голове его хватит, и „слава“ по Москве и по всей земле пойдет и беспременно, до царя-батюшки дойдет. „Опала царя-батюшки меня, ой, не минет; да не миновать мне и ссылки-заточенья, ой, спаси Господи, не миновать и постриженья“?

Да Епиха Никитич казак бывалый был и на все Войско мудрым слыл: окунул баярина в воду с головой совсем, и удовольствовался тем — как баярин „бульбушки“ пустил, то он его в пору ту и освободил. Топить его не собирался, а дал ему острастку, чтоб тот имел опаску и ни в глубину и на быстрину не забирался, а где помельче, там бы он купался.

— „Басурманы, люди турецкого посла, баяли нам, молвил атаман, — неведомо де было паше какого роду-племени она была, привезена из каких была она стран. Да паша то сам добре ведал, да чтоб тебе дороже ее продать, того тебе он не поведал. Статься может, с той земли ее достали, по близости которой города Содом с Гоморою стояли, иль казни египетские, где совершались... А сам ты сказывал нам — в монашенки она у тебя просилась — ишь, кем ей обернуться не терпелось, среди монашенок московских как накуралесить ей хотелось, уж там бы отличилась. Да и до того — до Воронежа каравану долгий путь, молодца твоего не единого сумела б в коловерть втянуть. А по пути из Царя-города в воду вкинувшись для ней была беда: всем ведомо в море не речная, а соленая вода.

Порода там особая русалья — с рыбьими хвостами, наши молодцы их не раз видали, какие на море бывали, есть они и тут меж нами. Перед „погодой“ те русалки из воды „сигают“*) должно быть водяные их в пору ту гоняют.

А что молодцы твои баяли про визг или вытье, то потому, что им то „незнатъ“: девица русалкой обернувшись, как добралась до воды, на радостях и загоготала на все лады. Да поотвыкнув от воды, ей долго в ней не продержаться, не раз из нее вылезет она, чтоб отдышаться.

Пошли, боярин, по реке, протокам, ильменям взглянуть, не вылезла ль та девица где от воды передохнуть.

Открыл тебе, Господь, боярин, злокозны басурманки и от большой беды тебя тем сохранил за жизнь, знать, праведную твою, за богоугодные твои дела“.

Погладил боярин бороду свою и на речь атаманскую ответил:

— „Что и сказывать, атаман, против речи твоей, правды истинной, и мне также о том думалось. А злокозней бесов иль басурман да всяких людских я не опасуюсь: молитвой с крестом да делами своими от них я спасаюсь. А вот послать то на розыски у меня кого не имеется, места тутошние молодцам совсем неведомы“.

— „В том, боярин, нет большой беды, помогут те-

*) Перед бурей (штормом) при сильной волне дельфины быстро плавая, показываются из воды, как бы перебрасываются из волны в волну.

бе наши молодцы, отыскивать всякие в обычай им следы; ведомы им места тутошные до малых тропочек, а особо Филе: он у нас первый и рыбалка и охотничек, помочь тебе в твоей великой беде он не откажется“.

И говорит посол Филе, увидавши его среди молодцев: — „Окажи мне, Филипп Ильич, не службу, а дружбу не малую за хлеб-соль мою, за ласку мою к тебе прежнюю: собери донских молодцев, снаряди — пошли стружок — один вверх, а другой вниз по Дону, а конных пошли в займище поглядеть — посторожить по ильменям, ерикам, а особливо по протокам-от воды отдыхаться не выгянет ли ненароком. Да берегутся пушай твои молодцы, чтоб не втянула какого в омут, али коловерть, чтоб за него мне, значит, не отвечать. Друг от дружки гляди, чтоб не отбивалися и один на один, чтоб с басурманкой не оставались, и чтоб творили молитву и крестное знамение. А на стане со сборами да всякими уборами мы провожаемся еще до полудня.

А ежели живую или мертвою она где отыщется, на стан волоките ее за патлы окаянную, ужо устрой я тут ей покаянную. А молодцев я за труд почестную пожалую по своей милости. Да что, — бочку вина пожертвую басурманки той я за розыски.

И велел боярин скатить со струга бочку вина, чтоб донским молодцам была б его милость, щедрость видна, какое за розыски Феклы их ждет награждение и оказали бы в том свое они радение...

Боярину с дьяком горе великое, а казакам донским усмешки да хихиканье, подталкивают друг друга локтями в бок да перемигиваясь в сторону боярина за кивком посылают кивок.

Возвернулись с поиска молодцы близко к полудню, баяли все про розыски разное, да и выходило все несуразное. Было одно ясно всем — нигде ни живой ни мертвой Феклы не сыскалося, нигде не отыскалося: с света сгинула девица — в воду канула.

И отдал боярин молодцам бочку вина „горячего“ за труды их радение, за розыски басурманки Феклы в награждение, хоть и были те розыски неудачливые, да слово слетело с языка, как стрела с тетивы, назад уже не воротится.

Покатили молодцы бочку в Черкасский вдоль по берегу, а как откативши за бугорочком скрылись, то перевести свой дух и остановились. Глянули друг на друга да как закатятся, даже на песок от смеху положились. Иные с земли встали едва, а другой выпустит словечка два и вновь все закатились.

И говорит Филе станичник запорожец-казак: „Да и удачливый ты, бисова дитина, Филюшка тебя же упротил боярин чинить розыски, чтоб отыскалася тобой твоя Фатимушка. Одного я, браты, не уразумею никак — чи ваш батька-атаман дюже умен, чи московский боярин дурень-лайдак“. И молодцы закатились еще более прежнего.

А в вечеру пошел пир горой, с пеньем, пляской, на бандуре и на гусях с игрой, смеху было не приведи Господи. Донские и иные молодцы бражничали, а послу да и всем посольским людям в пору ту все икалося, знать на пиру немало о них вспоминалося.

А к утру бочку всю и прикончили да токмо ту, что от боярина была добыта, и другую какую купили в складчину у московских торговых людей, и та до долушка была допита.

Сказ 16.

Как возвращался рыбалка, рыбку не поймавши, из-за нее приманочку напрасно потерявши.

Отплывал караван посольский лишь после полудня. Провожали его выпалами из наряда малого, а из Черкасского и из большого раздался. Сверхалось все по обычаю, как проваживало Войско посольства иноземные.

Сидел посол у рундука на струге и все поглядывал: из воды русалкой Фекла не окажется ль? А как миновал караван город Маньцкий, боярин и совсем закручинился, запечалился, позвал дьяка и молвит ему:

„Сядись, Савелий Панкратович, погутаим побеседуем с тобой. Как подумал — пораскинул я разумом, сво-

им, да погутаил сам с собой, так и вошел дела в разумень, в суть. А суть то как сказывает Лука Савельич, наш думный дьяк — бывает так, бывает сяк, то-есть иной раз оно то, что несут, а другой то, значит, то, в чем принесут...“

А атаман по своей дурости прошибся; что Фекла в воду вкинулась, то верно; да токмо не русалкой она обернулась а, то-есть насмерть утопилась, потому на стан и не вернулась. Ну как в воде она оказалась тут она и испужалась, может и вспомнила кого, ну тут она и взлекала, да поздно было — надо было думать до того...“

— „А одежда? С ней то как?“ посла спросил его дьяк. — Заталдычил, как все дурак — одежда; да к чему она была ей гожа? Ну да, подумай, на што она могла ей пригодиться, коль решила она утопиться, потому и бросила свои лапки и свои бабы турецкие штаны. А наша стража, сатаны, и не видала как девка к речке пробежала, потому занималась своим рукомеслом — в носу она ковыряла. А может и от шатра своего никак не отходила — ну как она могла б слышать, что Пантюшка все время охал да стонал, ежели по стану она б ходила... Да ты, Панкратыч, не перебивай, а слухай дале. Так значит, то-есть вот в чем суть.

Давно уже то мне приметно стало, не спускает Фекла глаз с меня и средь бела дня, а особо в вечеру когда, бывало, казачишки приходили и с нею речи заводили, а она на меня все зирк, да зирк. Губа не дура — ишь, ведь, кого облюбовала... Расправил боярин бороду свою и по челу себя погладил...

„Да я на своему веку и не таких видал, — речь боярин продолжал, — а как я через толмача ей наказал быть поприветливей с казачишкой — пьянчужгой, и пообходительней при обхожденьи, да как и впрямь поверилось, что схочу я же, чтоб он на ней женился так при такой напасти и наводеньи хоть кто бы утопился. От безнадежности она, то-есть, утопилась, вот в чем, ведь, суть...“

А мне ж по истине сказать басурманки не по ндраву. Все они, все черноочие, щуплые да худосочие. Та ли стань наша девица московская: дебелая, телом в роде как каравая „пухкого“, а цветом белая, ну как на подобь пирога пшеничного, а сама румяная, а волосы у наших — ну у одной чисто куделя конопляная, а у другой чуть порыжей желтка яичного.

Да не себе я ее прочил, пигалицу, ведомо тебе, а князьку Муракину. Давно я, значит, вокруг его захаживаю — и так и этак его для дельца своего обхаживаю, то-есть во-как полюбилась мне его вотчинка — Благодатная, с моей, Козий Кут, как раз смежна; восхотел я соединить их во-единое. Да на казну денежную иль иное что князя вижу, я, мне его не взять. А против Феклы, особо против плясовства ее, враз „смекетил“ я, ему б не устоять, как бы он не отхляпался а на нее вотчинкой своей так-на-так бы обменялся. Сам то Муракин князь, то-есть род его из басурманских выходцев, потому ему басурманские девицы и любятся, как раз во как Феклушка была, пигалицы...

А того касательно, Панкратыч, что взять с собой в Москву Тимошку — прощальгу я раздумавши, так пораскинь умом своим, где ж было б мне с ним там вожжаться с пьянчужкой, рад что отвязался от меня. Голошишка то у него, как я услухался, не весть какой; что горланить горазд песни свои казацкие, так они одна к одной, ой да, да ой да — все дурацкие. А с песнопением церковным, где ж ему было бы справиться. Никудашний парень оказался, а на выпивку, что говорить, ну просто прорва — сколько он не пил, а я ни разу не видал хоть чуть бы зашатался. Слава тебе, Господи, что ты меня от него пьяницы избавил, не раз на всю Москву меня бы он ославил“. Снял боярин шапку и перекрестился; в свидетельстве дьяку, как рад он де, что с песьником донским он распростился.

Немало еще посол с дьяком гутаили, вели беседу; да беседа велась по-боярски — боярин сказывал, а дьяк ему поддакивал.

И мимо юрта Смагина уж струги проплывали, а посол с дьяком все толковали; а после и замолчали. Печалуется боярин, все горюет — да не о турецкой девице, а о том что ну вот совсем, ведь близко было, а теперь

утонуло иль уплыло — целая вотчинка ускользнула, с его Козий Кут как раз в меже одной, да во-единое их теперь уже не соединить и ему ни стольным ни думным боярином уже не быть — разлетелось все во-прах, все рассыпалось.

А в пору ту как караван мимо Маныча плыл, стояли на крыльце куреня Дарья Семеновна вместе с Фатимою, и Фия тут уже был: по отбытии каравана из Черкасского, и бочку бросил не докатил, на коня вскочил и прилетел в Маныч быстрым соколом, обогнавши струги-утицы.

Провожали взорами на крыльце куреня стоявшие, струги посольские, мимо Маныча проплывавшие, послав ему в пути благополючия всяческого.

А в пору ту Дарья Семеновна Фатиму и примолала, припала девица на плече ее и разрыдалась. Были то слезы и от ласки непривычной, и от радости они были необычной — что и от неволи у боярина московского она избавилась и что со своим милым не расталася.

Сказ 17.

Как в поход казаки из Черкасского отправлялись и какие чудеса в нем совершались.

Да не соколы ясные не орлы сизокрылые на кургань в степь слетались, то донские молодцы с низовых городков в Войско Главное собирались.

Были уже в городке гостиюшки, атаманы-казаки: яички и волжские, гребенские и черкасы запорожские, все они донцам были не кумовья, а братья родные.

Собирались в Круг они неединова, погутарить-побеседовать, о делах своих посоветовать, и порешили на нем идти в поход на море — поунять силу вражью басурманскую, чтоб басурманы на Дон Батюшку не „похвалялись“, а за свои б города от казаков бы опасались. А как из городков от Ведерника вверх в поход на море не поспели б молодцы, то в войсковой грамотке и описали им — городкам от Кагальника вверх до Голубинского против Ногай Малого чинить поиски да и за Азовом во всю доглядывать, и низовым городкам по уходе казаков на море помочь при надоби оказывать, а всем верховых городков повыше Голубинского ратью конною Крымскую Орду ударить по затыли, или в бок, ежели она двинется на соседа, царя Московского.

Выбирали молодцы атаманов стружных с есаулами, а наперед того в Кругу выбрали атаманушку походного, атамана Войска Главного, всему войску любого, всем угодного, Елифана Никитича Родилова.

Струги быстрые молодцы позаконпатили, поисправили, что было в снасти починили, позачадили, казачки запасы в поход изготовили, все что надобно приготвили.

Попировали два денька перед отбытием; вино крепкое в чарках пенилось, неслась казачья песнь по Черкасскому: молодцами на хмельное перед отплытием чинилось заговенье.

Отслужили в день отбытия в поход по обычаю молебствие. Перед иконами своих заступников колени-преклоненно все помолитились, а в поход идущие, поцеловав крест и водой святою окропились. По — походному молодцы снарядились — приубрались, быть в городке часы последние им оставались.

И случилось в городке в вечер тот диво-дивное не бывалое, и приключилось оно не у храма Божьего и не со старушкой, а у куреня родиловского с добрым молодцем.

Проходил вблизи его Тимофей Иванович у край садика и упала вдруг на дорожку ладонка, а упала она как будто с облачка. А диво в том было не малое, а для молодца совсем и не бывалое. Облаков то на небе совсем не было: небо чистое, было ясное. Необычно в кустах зашуршало в саду и чем то хрустнуло. И в том было необычное: над островом стихло — еще с полудня: не единым листком не шелохнулось. А волков, лисиц, иль иных зверей в казачьих садах не водилось. Ну, не диво ль необычное, не бывалое в городке в пору ту совершилось?

Который иной не подумал, не сказал бы чего о том несуразного? — „Уж не привиделось ли, не померещилось ли то Тимоше как по делу пьяному“?

— Как привиделось, померещилось — ежели хмельного у молодца за весь день, а не единой капельки во рту не было. Не померещилось, зная, ежели в руке своей он держит ладонку. Из атласу она была, цвет лазоревый, „в разноцветь“ была шелками шитая. На гайтане висел образок святой. Земля родимая по казачьему обычаю в ладонку ту была зашита. Сотворил Тимоша крестное знамение, снявши шапочку; на образок поглядел и, поцеловав его, ладонку себе на шею надел.

Как привидилось, померещилось? Ежели рукой своей гайтан шелковый Тимоша не раз пробовал, и ладонка по груди его передвигалась, зная была она и была в целости, никуда она, не терялась.

Поздним вечером, когда заря уж стухла на небе, собрались молодцы к стругам, к Дону Тихому, выпивали они по последней стружной чарочке и заводил — запевал Тимофей Иванович песнь прощальную:

Ой ты, прости-прощай, кормилец наш, Дон Иванович!
Ночкой темною отнеси ты нас в море Синее —
Погулять на нем, позабавиться, с силой вражьей
поуправиться.

Нашим недругам да не думалось бы, не гадалось, В Азов-городе ой да не проведалось бы, не узналось. Пропитай-прокорми Войско Главное, Сбереги-сохрани наше Войско Славное, Городкам от наших недругов будь преградой в пору
нужную.

Да не отважится на них сила вражья-басурманская, А от нас на прощанье прими, Дон Иванович, чару вина, чарку стружную, Поднесет ее от нас, добрых молодцев, честная рука — атаманская.

Как кончалась песня, поднимал Елиха Никитич высоко в руке чару вина хмельного, а как песня окончилась, кинул он ее в Дон, что было моченьки в атаманской руке и в его могучем плече.

Повелось от дедов-прадедов казаков в поход при отплытии последнему подносить чарку Дону-Батюшке, а из похода их по прибытии подносить ее ему же первому. И меж теми последнею и первою чарочками истари, повелось, было заповедано не пить в походе вина хмельного, некоторому не брать его в рот — а не единой капельки.

Выплыли струги на быстрину реки и понеслись они вниз по Дону Тихому. А у Яра Монастырского, от городка Нижнего около десятка стругов к ним еще прибавлялось, всех же молодцев донских, а с ними и иных, семьсот в тот поход отправлялось.

Сказ 18.

Что совершалось в Черкасском по отбытии из него казаков.

По отбытии казаков в поход бывала Фатима в городке Черкасском; гостила у атаманской дочери, Натальи Елифановны, и в пору ту у попа черкасского к принятию крещения она готовилась: учила „Отче наш“ и „Богородицу“.

Сказывала Наташа турской девице — про Тихий Дон, про обычаи, присуд казаков, повадки всякие, про время стародавнее, про что самой девице ее родитель сказывал. Умела она и турской речи, а лучше друг дружки речь уразуметь Глаша им была помощницей.

Выходили Наташа и Фатима, и Глаша с ними не расставалась, на берег Дона Тихого. Втроем под ракиною они сживали, поглядывали вниз Дона Тихого, с надеждой ожидаючи, не покажется ль струг вестовой от Яра Монастырского, иль все с похода не возвращаются ль?

Не раз Фатиме вспомнилось про то, как увидевше, что и Фия в поход на море собирается, стала умолять ежели ему она мила — не покидать ее. Вспомнилось и что молвил молодец ей:

— „Родимая моя, из чуждедальной сторонюшки при-

летевшая касаточка, мила ты мне, дороже света белого. Да того еще дороже казаку его честь казачья, и за тебя мне ее не отдавывать, хоть готов я отдать и жизнь и душу за тебя, моя журавушка. Не волей молодцев поход наш совершается, не для одной добычи зипунов войско в море отправляется, а Войскового Круга по решению — положить препоны злокозням Султана Турского. Потому и выбрали походным атамана Войска Главного, родителя Наташеньки. Как узнаешь ты, милая моя лебедушка, обычаи, присуд наш и тебе они полюбятся. У красных девиц и жен казачьих, не без того, бывают горести не малые, а и бывают у них и радости великие“.

Не стала Фатима Филю более упрашивать, как речи молодца она послушала, да сама увидела, как провозжали казачки-жены мужьев своих, а девицы своих родителей и милых, в сухопутный поход в землю Ногайскую. В горести были они великой, у иной от тоски лицо все иссушилось, а слезинки не единой ни у которой из них при том не проронилося. Молвил Фатиме Филя: — „По живым слезы лить на Дону у нас не в обычае, берегут их по упокойничкам“.

Придет ли на долю Фатимы радость-счастье то не ведомо, а тоску, муки сердечные она уже изведала.

Собрались в небесах тучки непроглядные, да не вечные они, рассеются-развеются и станет светлей, радостней больше прежнего. Вернутся из похода молодцы и возгорится над Казачьим Островом не зря скоропроходящая, а дни светлые летние, полные тепла и радости.

Грустила и Наташа. Думушки тяжелые, как тучки тоскливые в пору осеннюю, печалили девицу.

Не всем молодцам с боев с недругами возвратиться в небесах написано, не один из них примет венец мученика...

Эх, да и слава же ты, и честь казачья! Да потому казак ее не лишается, что своей смертушки он не чурается, обручившись с нею еще при рождении.

Ой, и ревнива же его нареченная — ни днем ни в ночь с нареченным своим она не разлучается, ждет-не дожидается, когда поцелуем всего одним она с ним обменяется. Молодцев донских разлучница. Разлучаешь на веки вечные — с другом его добра молодца, с милым ее казачку-девицу, жену-лебедушку с его лебедем, отнимаешь поцелуем своим и сына единственного у его родителей, оставляешь деточек ты сиротинушками.

Эх, и слава же ты честь казачья! Да не быть бы им, ежели не обручался казак с своей смертушкой еще при своем рождении, не готов бы был всегда поцелуй принять венчальный, с своей жизнью прощальный. Возвратятся ль с похода молодцы и возвратятся ль все славой, чествою?..

Не дождавшись с похода казаков прибытия; крестили Фатиму в городке Черкасском. Восприемными были — Войсковой Атаман Смага Чертенский и тетка Филя, Дарья Семеновна Скуритиха. И нарекли Фатиму по православному, да не Феклой по-московскому, а по казачьему Серафимю, а по отчеству стали величать ее Смаговой, по-отцу крестовому.

(Окончание следует).

Валентин Конопацкий. (Польша).

* * *

Я вийшов на широкий шлях.
Стою й дивлюсь.
А гень далеко —
Іде, гряде Нове...
Нове життя зродилося
З одчаю,
Я знаю:

Воно несе своє.
Зродилося. Його вітаю.
Тому лилося стільки крові
І зойк лунав — гудів,
Що то Нове дитина є любові
Землі укоханій синів.
Іде воно широким шляхом,
А гомін йде, гудить
По всій козацькій вже землі:
То Пан іде! — лунає навкруги.

Колонизация или ушкуйничество?

Перед нами номер „Кавказского Казака“ от 1 марта 1930 г. На его страницах мы находим ряд документов, могущих впоследствии стать историческими. Первый из них, — приговор станичного сбора Кральевской казачьей станицы (Югославия) от 17 ноября 1929, в котором станица просит Войскового Атамана „о подыскании широкого плацдарма земли для поселения станицами казаков не только Кубанского, но и других казачьих Войск, а также желающих иностранцев в известном процентном отношении с осуществлением на таковой самобытных укладов нашей казачьей жизни.“

Приговор этот говорит о могучей тяге казаков к земле, той тяге, которую не ослабили и не могут ослабить и долгие годы эмигрантской жизни, ибо от самого себя казачество никогда не откажется, казачество же без земли — не мыслимо. Говоря иначе, этот приговор ставит тот колониационный вопрос, который дав-

но уже волнует эмигрантское казачество, принужденное искать за границей какой то, хотя бы и временный, выход для осуществления земельного уклада своей жизни.

Нашей задачей сейчас не является решать, или даже ставить колонизационный вопрос. Укажем только, что идея колонизации тесно связана со всей историей казачества. Прошла она и через те примитивные формы, которые в Новгородской древней Руси слыли под названием „ушкуйничества“: набирала какая нибудь буйная голова, наичаще из Новгорода, себе ватагу удалых молодцев, вооружались они с ног до головы, садились в челны и отправлялись в далекую дороженьку; по рекам, озерам, морям доходили они до Белого моря, пролазили по трупам лесным севера, возвращались с богатой добычей, иногда и „застревали“ там, где сердцу привольно было, прокладывая так пути для заселения севера и северо-востока. Прекрасным

примером такого удалого „ушкунничества“ в казачьем отображении было покорение Ермаком Сибири. Также и он отправился „на ура“ в далекую Сибирь, разбил татарские полчища и с ничтожными силами покорил все Сибирское „царство“. Такими примерами, только, конечно, в маленьких формах, пестрит вся история казачества. Это проявление его колонизационных устремлений, в формах по своей примитивности соответствовавших простоте уклада тогдашней жизни.

Прошли столетия. По воле прихотливой судьбы мы можем теперь на страницах казачьей прессы познакомиться с новым примером казачьей колонизации. Мы имеем в виду группу, отправившуюся в Перу, во главе с ген. Павличенко. Что происходит там, нам, находящимся в другой части земного шара и даже за тысячи верст оттуда, откуда вышли колонизаторы, — судить трудно. Но все же донесение Войсковому Атаману ген. Павличенко, постановление станичного сбора Апуримакской (Перу) казачьей станицы и письмо П. Т. Королевича-брата быв. концессионера, предназначенное им для печати, некоторый материал для размышления дают уже и теперь. Кто прав, кто виноват?

У нас нет никаких оснований принимать за чистую монету все, что пишет, нападая на казаков, Королевич. И, с другой стороны, мы не можем не верить своему, уполномоченному на это дело самим Войсковым Атаманом, и авторитетному для казаков лицу — ген. Павличенко. Если вынесение окончательного суждения еще преждевременно, и если для него нам бы было небезинтересно услышать и голос „обвиняемого“, ответившего бы по пунктам на все обвинения, то все же в данный момент мы воспринимаем обстановку именно так, как рисует ее нам свой ген. Павличенко и свои казаки, а не совершенно нам неизвестный Королевич.

По адресу последнего можно было бы указать разве то, что он „концессионер“, — и только. Всякий концессионер смотрит на свою концессию, как на торговое предприятие. И если странно слышать от концессионера слова о „неблагодарном элементе“ (вознаграждение каждого концессионера — в его прибыли), то не менее бы странно было ожидать от всякого концессионера что либо иное, чем желание извлечь максимальную прибыль из своего предприятия. Только с этой точки зрения и можно подходить к концессионерам, отнюдь не ожидая от них проявления стараний, забот и т. д. Хотят ли казаки большего, хотят ли, чтоб предпринимателем руководили какие либо иные побуждения, чем вышеуказанный законный и естественный мотив, тогда им нужно самим браться за это дело, а не полагаться на чужих.

Есть в этом деле и другая сторона, которая заставляет с болью сжиматься наше сердце. В постановлении сбора кизаков ст. на реке Апуримак мы читаем: „Помимо всего указанного, мы не знаем ни условий нашей колонизации сюда, ни наших прав, ни обязанностей, т. к. это все

вопросы которых концессионер никогда не хотел разъяснить нам (!!)“. Кто в этом виноват?

В практике нашей заграничной службы известны частые случаи поступления на службу в иностранные предприятия в колониях. И эта практика говорит, что прежде чем поступающий на службу пускается в путь-дорогу, он всегда подписывает контракт, где с исключительной подробностью оговорены все права и обязанности обеих сторон. Контракты эти выработываются весьма обдуманно, подвергаются юридической экспертизе, делается все возможное, чтоб ничего не забыть и по возможности все предвидеть, по крайней мере главное и существенное. Такие же договоры выработаны крупными американскими предприятиями, занимающимися колонизационными делами. Так же поступали и немецкие колонисты, отправляясь еще до войны в свои африканские колонии и вверяя свою судьбу в руки специальных кампаний. Так вообще поступают культурные народы в XX ст.

Наши колонисты сперва едут, а потом ждут, чтоб предприниматель им соблаговолил „разъяснить условия“. Сперва строятся планы на перевозку в течение четырех лет 2000 душ, и лишь потом узнается, что в стране, где должна быть создана „Новая Кубань“... „финансовый кризис“, при котором „не приходится думать о новых перебросках сюда“ (см. донесение ген. Павличенко). Если трудно, сидя в Европе, определить степень пригодности для казачества климата долины реки Апуримака, то для определения степени финансового кризиса в любой стране света достаточно пары недель работы человека, разбирающегося в немецких и английских справочных изданиях, и имеющего хотя бы небольшую экономическую подготовку.

Но, мы привыкли делать иначе. Мы хотим удалью, джигитовками, отвагой решать то, что решается систематической подготовкой, изучением вопроса с карандашом, а не пикой в руках, калькуляцией и точным расчетом. Мы отказываемся от опыта столетий, и ушкунническими методами Ермака хотим и в XX ст. начинать свою колонизацию в условиях эмиграции. Подчеркиваем — мы, мы все, ибо бросить упрек только тем, кто страдает теперь в Перу, мы считаем невозможным: слишком большая вера в других, вместо того, чтоб полагаться на свои силы свойственна, к сожалению, нам всем и наказывалась историей уже не один раз.

Дело казачьей группы в Перу — дело дорогое всему эмигрантскому казачеству; ей, несмотря на все, принадлежит честь инициаторов-разведчиков; да кроме того, хочется верить, что твердость казачьего духа и мудрость ген. Павличенко все же как то найдут выход из создавшегося положения. Но, как бы дело не разрешилось в дальнейшем, все равно нельзя забывать всего происшедшего. Нужно использовать опыт, чтоб оглядеться и все как следует удумать. Если ставить на повестку дня вопрос о колонизации, то нужно его ставить так, как это

го требует престиж казачества и серьезность решаемого вопроса. Вот почему мы в одинаковой мере приветствуем, как готовность ген. Павличенко приложить „все силы к тому, чтобы преодолеть те тяжести и лишения, которые вы-

пали на нашу долю при организации казачьего поселения в Перу“, так и слова Войскового Атамана о том, что лишь по дальнейшей разведке и выяснении положения „можно будет говорить о дальнейшем переселении“.

Инж. В. Бейсуг.

„Пятилетка“ у нас.

II. Промышленность.

В связи с многообразием естественных, национальных и экономических условий СССР, отдельные области Союза получили согласно пятилетке особые задачи, и план был дан как бы в порайонном разрезе. Полная географическая перекройка административных границ бывшей Империи и принципиальное непризнание большевиками термина „казачий“ являются причиной того, что мы напрасно бы искали в общем плане его часть, касающуюся Казачьих Земель.

Районом, наиболее отвечающим интересующему нас комплексу, является по современной терминологии „Северо-Кавказский Край“. С одной стороны потому, что „Северо-Кавказский Край“ вмещает в себя наиболее важный хозяйственный центр Казачьих Земель, а с другой стороны и за неимением возможности поступить иначе, мы будем в дальнейшем рассматривать пятилетку на Северном Кавказе, как часть плана, характеризующую намеченные пути хозяйственной жизни для наших Земель.

Интересно, что названный Край был (одновременно с Уральской областью) районирован и выделен в административную единицу одним из первых в СССР, еще в 1924 г. В настоящее время Край имеет в своем составе 10 округов, 7 автономных областей и 2 самостоятельно управляющихся города: Донецкий, Шахтинский, Сальский, Ставропольский, Терский, Донской, Кубанский, Армавирский, Майкопский, Черноморский, Адыг.-Черкесская, Карачаевская, Черкесская, Каб.-Балкарская, Сев.-Осетинская, Игушская, Чеченская, г. Владикавказ и г. Ростов.

По площади Сев.-Кавк. Край обнимает 293 т. кв. километров, т. е. лишь немного уступает по размерам Италии. Плодородие почвы Края, его чрезвычайно выгодное географическое положение, благоприятный климат, ископаемые богатства, — все это дало повод возложить авторам пятилетки исключительные надежды на Край и предназначить ему весьма активную роль в проведении всего плана для СССР. Богатые запасы угля, нефти, водной энергии, сырьевые ресурсы сельского хозяйства, — все это дает предпосылки, по мнению этих авторов, для превращения наших Земель из аграрно-индустриальных в индустриально-аграрные.

Исключительно благоприятные условия для сельскохозяйственного производства заставили уделить большое внимание по замыслу на развитие товарного сельского хозяйства в Крае, в первую очередь, зернового. С точки зрения плана для всего СССР Северо-Кавказскому Краю предопределена „экспортная ориентация“: проектируемое возрастание хлебного производства Западной Сибири и Поволжья должно освободить Край к концу пятилетки от снабжения хлебов части СССР и дать возможность производить на экспорт. Подъем производительных сил сельского хозяйства мыслится, однако, и здесь, как и во всем СССР, лишь путем „социалистической реконструкции и развития крупного обществленного сельско-хозяйственного производства (совхозы и колхозы)“. Коллективизация, как увидим дальше, намечена у нас порой 100%! В экспортном же направлении должны развиваться и ряд отраслей промышленности края: нефтяная, цементная, поташная, крахмало-паточная, консервная и т. д.

Основным средством технической реконструкции всего народного хозяйства Края должна быть его электрофикация, на ряду с „впуском в сельское хозяй-

ство“ огромного количества машин, особенно тракторов. Необыкновенно остро стоящий у нас вопрос о культурных силах заставил внести в план и у нас намеченное в революционном темпе „повышение культурного уровня трудящихся“ и фабрикации инженеров и техников, ибо и на Северном Кавказе „грандиозные задачи по переустройству народного хозяйства края, простирающегося к тому же в условиях обостренного сопротивления вытесняемых капиталистических слоев, требуют широкой активности и самостоятельности трудящихся масс, социалистического соревнования и напряженной борьбы за реализацию пятилетки“.

Небезинтересно для нас и то, что „в условиях Сев.-Кавказского Края особое внимание должно быть обращено на изжитие исторически сложившегося экономического и культурного неравенства среди отдельных национальных областей и округов края“ (камушек в огород казачества?).

Как и во всем Союзе план проектирует у нас „крупный рост заработной платы, улучшение потребления и бытовых условий городского пролетариата и повышение доходности середняцких и бедняцких масс крестьянства“.

После этой общей характеристики мы можем перейти к более подробному рассмотрению всего, что ждет наши Земли согласно пятилетнему плану. Изложение будем вести по советским данным, откладывая общий анализ и критику плана на конец очерка.

Остановимся прежде всего на населении. К моменту вхождения в силу пятилетнего плана численность населения Северо-Кавказского Края составляла по переписи 1926-27 г. 8,436 милл. чел. Советская статистика насчитывает здесь 3,8 милл. русских, 3,1 м. украинцев, до 800 тыс. горцев и ряд национальных меньшинств. „По данным той же переписи 27,5% всего населения края составляют казаки. Однако, проводимыми мероприятиями советской власти, имевшаяся раньше сословная рознь также, как и национальная, в настоящая время почти ликвидирована“. (Характерное сочетание двух фраз, из которого видно, что слово казак является синонимом „сословной розни“). План предполагает в течение ближайшего пятилетия общий годовой прирост населения на 3,2%, из чего 2,7% приходится на естественный прирост и 0,5% на счет иммиграции из других районов Союза. В результате численность населения Края должна за пятилетие возрасти на 17,2% и достигнуть к 1932-33 г. 10 милл. человек. Основываясь на данных прошлого и принимая во внимание предстоящую индустриализацию, авторы плана предполагают, что городское население будет возрастать быстрее сельского, дойдя в 1932-33 г. до 20,6%.

Очень любопытно, в каком виде представляется рост отдельных городов. Рекордную цифру должно дать... Туапсе (!), где ожидается увеличение населения на 228% — с 14,7 тыс. в 1927-28 г. на 33,5 т. в 1932-33 г. Далее идет Грозный — на 150,4% (с 107,9 т. на 162,3 т.) и Новороссийск — на 130,3% (с 73,1 т. на 95,3 т.). Наименьше вырастет Ставрополь. Ростов через 5 лет должен стать городом крупным уже в Европейских масштабах, обладая населением в 418,9 т., Екатеринодар — 189,4 т., Таганрог — 104,7 т., Армавир — 93,1 т.

Предпосылкой крупного роста городов является распределение ископаемых богатств края (напр. нефтепровод в Туапсе). Эти же обширные богатства, число которых увеличилось и новыми открытиями, напр.

новые медные руды в районе Казбека, являются предпосылкой и для индустриализации. Последняя носит тот же характер, что и во всем СССР, т. е. на первое место выдвигается развитие тяжелой индустрии. Общий объем промышленной продукции должен равняться к концу пятилетки 2,24 миллиарда зол. руб., что составляет за пятилетие рост на 217,8%, а в сравнении с 1913 г. на 417,8%. 52,8% продукции промышленности должно приходиться на тяжелую индустрию и 47,2% (на легкую), в то время как до войны центр тяжести (на 57,5%) лежал на легкой индустрии, перерабатывавшей в наших условиях гл. обр. массу сельско-хозяйственного нашего сырья.

Согласно общей экономическо-административной конструкции СССР находящаяся в наших Землях промышленность управляется частью из центра, организациями Союзными, — Грознефть, Донуголь, Таганрогская металлургия, Сельмашстрой), частью находится в непосредственном управлении Края. Главное возращание возлагается планом на промышленность последнего вида — на 267,2%, с передвижением ее значения с 35,1% на 40,1%; 60% почти все же будет управляться из центра.

Развитие отдельных отраслей промышленности предопределяется планом в соответствии с требованиями хозяйства всего СССР: Северо-Кавказскому Краю ставится задание „удовлетворить потребность союзного хозяйства в топливе и обеспечить возможности расширения нефтэкспорта“. Продукция каменно-угольной промышленности в течение пятилетия возрастает на 129,6%; нефти, запасы которой составляют 33% запасов всего СССР, — на 133,3%.

В связи с заданием поставить на техническую базу сельское хозяйство, огромная задача предлагается металлургической промышленности. Продукция ее в целом должна за 5 лет вырасти на 263%. Из отдельных же ее отраслей наибольший прирост должно дать машиностроение (на 1632%!), в связи с завершением строительства и пуском в ход Сельмашстроя (в Ростове). Одновременно расширяются и реконструируются металлургические заводы Таганрогский и Сулинский, а также реконструируются заводы на Алагирских рудниках (цветная металлургия).

Из видов химической промышленности, по существу отсутствовавшей в СССР, на Сев.-Кавказский Край приходится развитие добычи асбеста, сернокислотного и суперфосфатного производства, мышьяковистых соединений и красочного дела, с общим заданием вырасти в сумме на 204,3%. На 187,2% должно к концу пятилетия возрасти и производство строительных материалов.

Задания для легкой индустрии, особенно для нашей основной пищевой промышленности, план ставит более скромные. Так пищевая промышленность (мукомольная, маслосебная, консервная, сахарная) должна вырасти на 134,4%, продукция кожевенно-обувная — на 164,4%.

Новой для Края должно явиться местное производство тканей и одежды. Производство это предположено базировать отчасти даже на местном сырье (хлопок!). Крупное значение должна приобрести для Края и обработка шерсти, за счет расширения Невинномысской шерстомойки: последняя будет промывать почти всю ввозимую в пределы СССР шерсть.

Таковы некоторые количественные черты пятилетнего плана развития промышленности.

В качественном отношении интересны прежде всего задания, ставимые промышленности нефтяной. На ряду с рационализацией производства особое внимание здесь обращается на увеличение роста выходов ценных нефтепродуктов, путем переработки на месте сырья. Бензин, напр., должен составлять в будущем вместо 17,17% — 32,3% сырьевого продукта, что значительно увеличивает стоимость предполагаемой добычи нефти (6,7 мил. пуд.). Увеличение добычи угля идет по плану за счет пуска в ход новых рудников. Центр тяжести разработки планов должен быть перенесен в Несветаевский и Бело-Калитвенский районы. В области производства с.-хоз машины упомянутый выше Сельмашстрой должен стать первым по величине заводом данного

рода в СССР. Под его площадь отводится 40 гектаров (!), а годовая продукция к концу пятилетия должна составить 90 милл. руб. Завод должен вырабатывать и те сложные машины, которые раньше в Край должны были ввозиться: кукурузные молотилки, прицепной тракторный инвентарь и т. д. (Мечты, мечты, где будет ваша сладость!). Если принять во внимание еще и реконструкцию „Красного Аякса“, то к концу пятилетки в Северо-Кавказском Крае должно сосредоточиться $\frac{1}{5}$ производства с.-хоз. машин всего СССР. Удвоение цементного производства, рассчитанного также на экспорт, должно быть достигнуто расширением Новороссийских заводов и постройкой нового завода в Баталпашинском районе. В рамках развития производства строительных материалов проектируется и рост стекольной промышленности (с 3,3 м. руб. до 13,6 м. р.).

Небольшой рост промышленности мукомольной объясняется тем, что большевики предполагают оставлять для нужд края лишь 20% зерна, все же остальное количество должно экспортироваться. Маслосебная промышленность должна расти быстрее (за пятилетие на 393,5%), в связи с большим спросом на жиры. Не выдерживающее никакой критики питание за последние годы городского населения ставит остро вопрос о местной консервной промышленности, которой в пятилетке уделяется исключительное внимание: задание роста на 942,8%. В эту же сторону повидимому давит и тот своеобразный процесс интенсификации с.-хозяйства, переход на огородство, садоводство и т. д., который вызывается тяжелыми условиями современной хозяйственной жизни у нас, и о котором мы уже упоминали в своем очерке в Календаре-Альманахе В. К. На базе кукурузы, как сырья, должна по плану развиваться винокурная промышленность (на 227,8%) и необыкновенный размах получить промышленность крахмало-паточная (714%). В частности должен быть построен крупнейший крахмало-паточный комбинат в Беслане. Новшеством для Края должно явиться развитие сахарной промышленности, в ст. Кореновской и Гиагинской строятся два сахарных завода.

Ниже мы перечисляем ряд наиболее интересных предприятий и заводов, которые должны возникнуть по пятилетке: завод кукурузных молотилок в Армавире, вино каменных кислот в Азове, мышьяковидных соединений во Владикавказе, поташный в Армавире, суперфосфатов — в Туапсе, суперфосфатов и серной кислоты — в Баталпашинске, по обработке искусственного волокна — в ст. Каменноостровской, оконных стекол — в Аксае, керамичных труб — во Владикавказе, лесопильные и древообделочные комбинаты — в ст. Белорченской, Апшерон, Нальчике, Адлере, фабрика сапожных колодок — в ст. Лабинской, бумажный комбинат — в ст. Каладжинской, спичечный — близ Туапсе, хромовый — в Екатеринодаре, там же маргариновый и по переработке клещевины, тракторный — в Таганроге и др. — Перечень, как видим, весьма блестящий даже в этой своей части.

Разрешение всех этих ставимых промышленности задач требует, конечно, огромных капитальных вложений. Общий объем их намечен в сумме 916 милл. руб., предназначаемых гл. обр. на постройку новых фабрик и заводов (всего до 200).

Политику капитальных вложений авторы плана построили также, как строят ее большевики вообще во всем СССР: основная масса вложений направляется в группу отраслей промышленности, производящих средства производства. В эти отрасли в Северо-Кавказском Крае должно быть вложено 725 милл. р., или 79,1% всех вложений. Наибольшая сумма предназначается на нефтяную промышленность (411 м. руб.), крупным расходом в котором является постройка недавно начатого второго нефтепровода Грозный—Туапсе, и сооружение 18 установок для переработки нефтепродуктов. 45 м. р. отпускается по плану на промышленность каменноугольную и 130 м. р. на все виды металлургической промышленности. На постройку 26 заводов химических положено 35 м. р. Далее идет 83 м. р. на постройку 3 цементных заводов, 3 стекольных, 9 известково-алебастровых, 26 кирпично-черепичных и 20 лесопильных и деревообрабатывающих.

В легкую индустрию вкладывается 191 м. р., расходуемых по плану на постройку 13 маслобояных заводов, мыловаренных, маргаринового, 12 фабрик текстильных, швейной, трикотажной, хромового завода, 2 сахарных, 14 консервных, крахмало-паточных и др.

Из отдельных заводов наибольшие расходы вызывает постройка Сельмашстроя — 63 м. р. (в чешских кронах это составляет более 1 миллиарда).

Осуществление всего этого грандиозного капитального строительства имеет своей предпосылкой плановое повышение производительности труда и снижение себестоимости промышленной продукции. Общее повышение производительности труда план определяет за пятилетие в 131,2%. Базируется оно на „оборудовании по последнему слову техники“, механизации производства, „усилении трудовой дисциплины“ (последняя и без плана дошла уже до границ... невозможного), „широком размахе социалистического соревнования“, „активности и энтузиазме рабочего класса“ и на др. платонических мотивах, играющих столь большое значение в проведении в жизнь пятилетки в Северо-Кавказском Крае, как и во всем Союзе.

Более уже существенной является поправка на снижение норм топлива, ускорение оборота и др. новшества, которые большевикам легко перенимать из-за границы при постройке заново.

По краевой промышленности запроектировано снижение себестоимости на 29,5%.

Развертывание индустриализации имеет по плану значительное увеличение численности рабочих, занятых в промышленности: в то время, как в 1913 г. она равнялась 54,9 т., к 1932-33 г. она должна подняться до

134,7 т., при чем наиболее возрастет опять таки группа, занятая в тяжелой промышленности.

Рост рабочей силы „будет сопровождаться повышением ее квалификации“. Имеющиеся расчеты по промышленности говорят о потребности в Северо-Кавказском Крае в течение пятилетия почти 179 т. чел. квалифицированных рабочих и 1742 инженеров и техников (!). В связи с тем, что в 10-ю годовщину Октябрьской революции декретировано было введение 7-часового рабочего дня, по плану предполагается постепенный переход на семичасовой рабочий день с тем, чтобы в 1932-33 г. все 100% рабочих были уже на него переведены (в этом отношении план исполняется безусловно в 1929-30 г. 40% рабочих уже перешли на 7-час. рабочий день). Введение семичасового рабочего дня сопровождается переходом на трехсменную работу и на непрерывную производственную неделю. Ряд наиболее крупных предприятий должен перейти на нее уже в этом году „для сокращения срока выполнения пятилетки“.

В намеченной пятилетним планом картине блестящего развития промышленности в наших Землях недостает, как может быть уже заметил читатель, одно большое звено — электрофикация. Подобно тому, как Индию называют жемчужиной Английской короны, так и электрофикацию можно назвать жемчужиной, как пятилетки в целом, так и пятилетки для Северо-Кавказского Края, в частности. К описанию этого журавля в небесах мы теперь и перейдем: авось хоть синица в руках после большевиков да останется.

(Продолжение следует).

М. Бытынский.

Национальные цвета и флаги.

(Окончание).

Вольным Казачеством, стремящимся к государственной самостоятельности, наряду с утверждением государственных гербов, необходимо тоже решить вопрос и о своих собственных национальных или краевых флагах. Собственный краевой казачий герб, как великий символ родной Земли и борьбы за ее свободу, должен обязательно иметь свое цветное отражение в флаге, тем более, что случаев для употребления флага всегда представляется далеко больше, чем для употребления самого герба, да и флаг сделать всегда легче, чем сложный герб.

Как же быть Вольным Казакам во всех этих случаях? Не заимствовать же им чужие флаги, а тем более пользоваться московскими флагами (трехцветный и красный — одинаково), флагами под которыми совершались наибольшие исторические насилия над Казачеством. Ясно, что все Казачества должны бы иметь свои собственные краевые флаги, краевые или национальные цвета, которые по достижении Казачествами государственной суверенности превратятся и в государственные цвета.

Кроме своего несомненного права на утверждение собственных краевых цветов и флагов, Вольные Казачества имеют к тому и легкую возможность сделать это без особенных затруднений.

Для большего облегчения решения этого необходимого вопроса, разрешаем себе предложить следующее. Те из Кзаачеств, которые обладают уже законно утвержденными национальными флагами, как Донское и Кубанское, должны у себя эти национальные или краевые цвета и флаги оставить и в дальнейшем употреблении. Хотя бы цвета эти, скажем, и не имели под собой очень веских геральдических или исторических оснований, все же недавняя борьба за свободу настолько уже освятила их и положила такое прекрасное звучное начало, хотя и молодой, но могучей традиции для будущего, что отказываться от цветов флага или знамени, под сенью которых лилась кровь верных заповедям свободы казаков, нет никакого смысла. В подобном случае, если даже цвета гербов не соответ-

вуют цветам национальных флагов, можно без особенного греха допустить некоторое игнорирование рекомендуемого обычаям старой геральдики перевода цветов знамени на герб и обратно, тем более, что, как было уже упомянуто, и некоторые европейские государства такого несоответствия не избежали.

Национальные цвета и национальный флаг — явления нового времени; старая геральдика потому строгих законов для их построения не могла предвидеть, а геральдика новая, возможно, выработать их еще не успела; таким образом, в построении национального флага имеется больше свободы, чем в построении государственного герба. Но и к этому способу, конечно, позволительно прибегать лишь при необходимости, когда, скажем к примеру, исторические и геральдические основания для герба могут быть одни, а для национальных цветов — другие (цвета старых хоругвей, знамен, этнографические соображения и т. п.); тогда несоответствие цветов национальных с гербовыми является вполне оправданным.

Все вышеизложенное можно отнести, конечно, не только к тем Казачествам, которые утвержденными краевыми флагами уже обладают, но и к тем, которые употребляют или могут употребить определенные флаги вследствие некоторой исторической или иной традиции. Калмыцкое Казачество претендует, например, на историческое священное знамя Чингис-хана, как на свое национальное, а Казачество Терское употребляет с недавнего времени за свой собственный флаг синий. Независимо от того, каковы были бы утвержденные у этих казачеств гербы, признание цветов священного знамени (белый, желтый) для калмыков и синего для терцев за свои цвета краевые и национальные вполне возможно.

Тем же Казачествам, у которых национальных цветов и флагов не существует еще вовсе и нет к определению их исторических или иных оснований, можно бы воспользоваться основанием лишь геральдическим, собственно, применить способ простого (обратного) перевода цветов герба в национальный флаг. Старая ге-

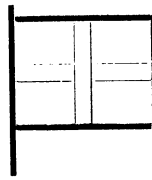
ральдика применяла всегда широко способ прямого перевода цветов — из знамени в герб, и на этом основании утвердился обычай, практикуемый иногда даже в старину в известных случаях обратного перевода. Новая же геральдика в решении вопроса о национальных флагах теперь очень широко пользуется способом обратного перевода.

Переходя далее к проектируемому определению национальных вернее, краевых цветов и флагов для каждого из Казачеств в отдельности и по очереди, необходимо упомянуть еще о тех, общепринятых и практикуемых современной геральдикой приемах, с помощью которых строится национальный флаг.

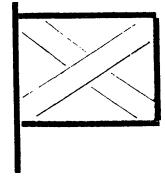
Национальные европейские флаги несут на себе то же ограниченное число цветов, называемых геральдическими, что и гербы: красный, синий, черный, зеленый, малиновый (пурпуровый), желтый (золотой), белый (серебряный); исключение вообще составляет лишь японский флаг — фиолетово-белый. Цвета синий и голубой, тождественные в гербах, во флагах строго различаются; тоже различаются и цвета желтый и оранжевый.

Вследствие того, что европейские национальные флаги не принято загромождать фигурами (в азиатских, колониальных и отчасти в американских флагах это встречается довольно часто), а отличительных цветов для них используется ограниченное количество (7—9), все искусство построения флагов состоит в комбинации цветов. Исходя же из требования, чтобы цвета на расстоянии не сильно смешивались, не шестрели и были хорошо различаемы, принято комбинировать во флаге не более трех цветов. (Исключение — китайский флаг: пять цветов). Ограничение количества цветов на самом флаге еще более суживает возможность комбинации их. Потому то современная геральдика для расширения возможности комбинировать цвета с целью отличать подобно цветные и вместе с тем, чтобы не затушевывать отчетливости цветов во многоцветных флагах, придумала комбинацию цветов по простейшим геометрическим фигурам — четырехугольника и треугольника.

Таким образом, цветные полотнища флагов сшиваются по линиям вертикальным, горизонтальным и косым по отношению к древку, а вследствие этого возникают такие поля флагов — поперечные, продольные, косые и комбинации их (продольно-поперечные, косо-поперечные и т. д.); к этому еще прибавляются поля флагов наугольные, каемчатые и крестовые, через комбинацию вертикальных линий с горизонтальными да угловые и перекрестные через комбинацию косых. Из этого, довольно большого количества полученных таким образом полей употребляется практически для флагов все же лишь небольшое количество наиболее удовлетворительно отвечающих оптическим требованиям (см. рис.):

7. С крестовым полем.

8. С перекрестным полем.

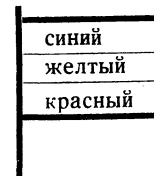
Комбинация формы 7 и 8 дает еще флаг с крестово-перекрестным полем, как в английском флаге. Из всех указанных форм, чаще всего употребляются простейшие первая и вторая; остальные реже. Понятно, что по таким фигурам могут легко комбинироваться, как трехпольные (трехцветные), так и двухпольные (двухцветные) флаги. В сложнопольных флагах меньшее поле удобнее помещать возле древка (рис. 3, 5, 6), ибо в извивающемся и мнущемся полотнище флага цвета их могут легко стусевываться.

Кроме изложенных выше общих правил относительно количества цветов и формы полей (полотнищ) флагов, необходимо еще указать на способы размещения цветов по полям во флаге. Какого либо особенного порядка в последовательном распределении цветов по полям флага не существует (не так, как в распределении цветов герба); все цвета могут граничить между собою. При переводе цветов герба во флаг, рекомендуется, правда, цвет фигуры помещать выше или ближе к древку от цвета щита, например, белая (серебряная) фигура в гербе на красном щите в переведенных цветах на поля флага дает белокрасный флаг; но от этого приема, знакомого еще старой геральдике, в настоящее время приходится очень часто отступать, ибо в одинаково цветных флагах для большего отличия их между собою, иногда умышленно меняется порядок последовательности цветов.

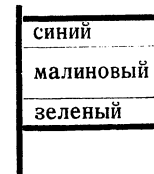
Цвета во флагах по порядку последовательности читаются так: в поперечных — сверху (напр. в бывшем российском: бело-сине-красный); в продольных — от древка (напр. во французском трехцветном: сине-бело-красный); в продольно-поперечных — от древка и сверху; в каемчатом — цвет флага и каймы; в сложнопольных — цвет большего поля сначала (напр. в американском: красно-белый полосатый флаг с синим наугольным, уснащенным белыми звездами полем; чешский: бело-красный с синим угловым полем); во флагах с фигурами — сначала цвет фигуры и т. д.

Переходим теперь к описанию уже существующих и возможных цветов для национальных или краевых казачьих флагов.

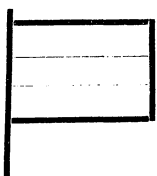
Донской флаг (уже утвержден) — поперечный сине-желто-красный. Синий цвет, по объяснению самих донцов, означает цвет донских казаков, желтый — населяющих Дон калмыков и красный — крестьян на Дону (см. рис.).

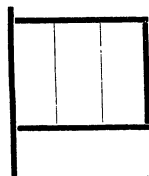
Кубанский флаг (утвержден) — поперечный, сине-малиново-зеленый, причем средняя малиновая полоса вдвое шире каждой из крайних. Синий цвет — цвет линейцев, малиновый — черноморцев (один из цветов Запорожцев), зеленый цвет — мусульманских горских народов, населяющих Кубань (см. рис.):

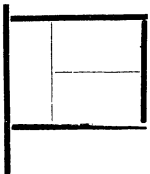
Терский флаг — синий, как употребляют его с некоторого времени терцы; сами они объясняют это

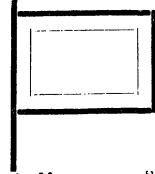
1. Поперечный.

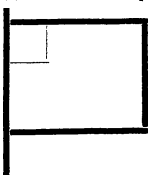
2. Продольный.

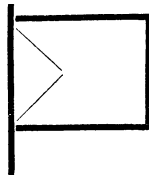
3. Продольно-поперечный.

4. Каемчатый.

5. С наугольным полем.

6. Угловым полем.

тем, что синий цвет доминирует в терской форме и любим ими. Конечно, исключительная любовь народа к какому-либо цвету сделала бы возможным принятие этого цвета за общий, национальный или краевой; но все же цвета одежды и их украшений, как случайные, в общем решении вопроса о казачьих краевых флагах, серьезным основанием служить не могут. В каком тогда затруднительном положении должны бы оказаться те казачества, которые обладают одинаковоцветными формами (лампасы, обшивки, погоны, околыши, канты и т. п.), например, на ряду с терцами — оренбуржцы, (синий цвет); с забайкальцами — астраханцы (желтый цвет) и проч. Безусловно, терцы, поскольку они синий цвет уже употребляют в значении своего собственного краевого, к тому же, может быть, добывали еще под ним свободу, противопоставляя его цветам неприятельским, могут утвердить за собой синий флаг законом и признать его за краевой, государственный, но так ведь казачества иные не могут поступить. Для остальных все же лучше при утверждении краевых, государственных или национальных цветов и флагов исходить из исторических и геральдических оснований, а эти последние, по крайней мере, даются всем их гербами. Да к тому же и у самих терцев краевой флаг еще не утвержден, так, что допускается вполне возможность конкуренции в свое время с синим цветом цветов гербовых — бело-желто-черного, являющихся повторением старого краевого герба (белая перевязь, белый флаг с желтым древком на черном щите). См. рис.:

Калмыцкий флаг есть желто-белый; повторяет он цвета священного знамени и вполне может быть принят за краевой, государственный и национальный. Государственное же калмыцкое знамя может даже вполне копировать знамя Чингис-хана с вырезами и явковыми хвостами в качестве кистей, но флаг лучше построить по европейскому образцу, т. е. полотнище флага прямоугольной формы, разделенное на два поля — желтое и белое. Формы полей флага калмыцкого должны бы быть в данном случае продольные или еще лучше употребить флаг каемочный, более близкий к восточному типу. Обыкновенную и простейшую форму флага поперечную (см. рис.) калмыкам не удобно было бы взять на свой флаг потому, что такой флаг уже существует: недавно утвержденный папский флаг. Таким образом, калмыцкий флаг есть желто-белый продольный или каемчатый (см. рис.):

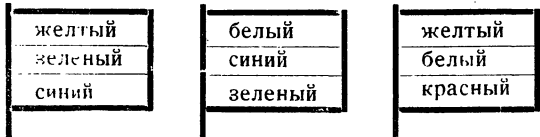

В дальнейшем перечислении цветов краевых и государственных флагов остальных казачеств будем исходить исключительно из цветов гербов их, при чем первыми берутся и читаются преобладающие цвета главных гербовых фигур, а вторыми или третьими — цвет самого поля щита; для отличия же проектируемых казачьих флагов от подобных, уже существующих, названный порядок будет соответственно меняться.

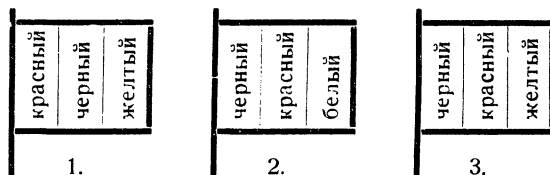
Астраханский флаг — желто-зелено-синий: цвета короны, подшивки и щита в гербе.

Уральский флаг — бело-сине-зеленый: цвета гор, оконечности щита и самого щита.

Оренбургский флаг — желто-бело-красный: цвета знамен, полумесяца, головы щита и самого поля щита.

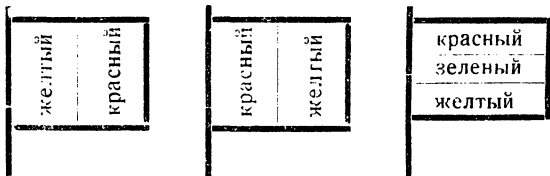

Сибирский флаг — красно-черно-желтый, если исходить из Ермакова герба: цвета булавы атаманской, щита, знамен и поля щита, или черно-красно-белый, если переводить цвета из герба „Сибирского царства“: цвета соболей, лука, стрел и поля. Если же Сибирским казачеством был бы принят герб слитый, то для краевого флага цвета должны бы быть взяты из него, а именно — черно-красно-желтые: цвета соболей, щита Ермака, булавы Ермака, лука, знамен и золотое поле нижней половины щита. Так, как те же цвета во всех трех случаях входят в новый и старый поперечный германский флаг, то для большего отличия рекомендовалось бы сибирским казакам принять для своего флага форму продольную (см. рис.):

Енисейский флаг — желто-красный: цвета льва и щита. Вследствие же того, что те же цвета носит на себе флаг Эльзасса, а в обратном порядке — флаг Лотарингии, удобнее было бы принять для отличия енисейским казакам флаг продольной формы.

Семиреченский флаг — тоже желто-красный: цвета полумесяца, главы щита и булавы, перначи, поля щита. В этом флаге для отличия его от вышеуказанных трех подобных флагов, следовало бы переменить порядок цветов при продольной форме полотнища. Семиреченский флаг был бы тогда продольный красно-желтый.

Забайкальский флаг — красно-зелено-желтый: цвета палисада, головы быка и щита.

Амурский флаг — бело-зеленый: цвета щитового пояса, звезд и щита. Так как такие же цвета имеются уже в саксонском флаге, следовало бы переменить в амурском флаге порядок цветов; тогда флаг был бы зелено-белым.

Если же исходить из герба амурского измененного, проектируемого с золотой булавой на поясе щита, то флаг можно бы сделать трехцветным — золото (желто) бело-зеленым.

Уссурийский флаг — черно-сине-белый: цвета сопок, щитового столба и щита.

Во всех, вышеописанных флагах, если не указана форма их полотнища, надо разуметь простейшую обыкновенную форму поперечную.

В этой статье описаны были подробно трехцветные флаги у тех казачеств, у которых возможно перечислить их цвета из гербов, т. е. в данном случае, взят максимум флаговых цветов, как более сложная комбинация. Помимо этого, при необходимости, легко сделать все трехцветные флаги двухцветными, употребляя для этого цвета лишь главных гербовых фигур и щитов. Тогда для Терека был бы флаг бело-черный астраханский — желто-синий (лучше продольный), уральский — сине-зеленый, оренбургский — бело-красный (продольный), сибирский — черно-желтый, забайкальский — красно-зеленый, уссурийский — черно-синий.

А. А. Гейман.

Пластуны в Великую войну.

(Эпизоды).

Собственно говоря, это были ударные части. Их было две бригады, без одного батальона, всего одиннадцать батальонов (I-й батальон был оставлен сначала на Турецком фронте в приморском отряде генерала Ляхова). Все остальные, тот-час же после геройских Саракамышских боев, сведенные в сводную пластунскую дивизию под начальством доблестного генерала Г-ги, были переброшены сначала в Севастополь, где уже практиковались посадке на суда для предполагаемого десанта на Константинополь, но потом, когда идея эта была оставлена, участвовали в наступлении на Львов и Перемышль, бились на реке Сане и после общего отхода и перехода на позиционную войну, имели на Юго-Западном и Западном фронтах свой боевой участок и часто употреблялись для прорыва фронта противника, или наоборот, если он прорывал наш фронт где нибудь, они посылались для восстановления положения.

Для этого, обычно, пластунов снимали с их фронта, отводили несколько в тыл, сажали на грузовые автомобили и в одну ночь доставляли верст за сто по новому назначению, высаживали, бросали в бой и, по выполнении задачи, уже походным порядком отводили опять на свой позиционный участок. Бывало и так, что лишь только пластуны, по грязи и в дождь свершали этот свой походный марш, как снова подаются автомобили и их везут на новый бой, на новую задачу.

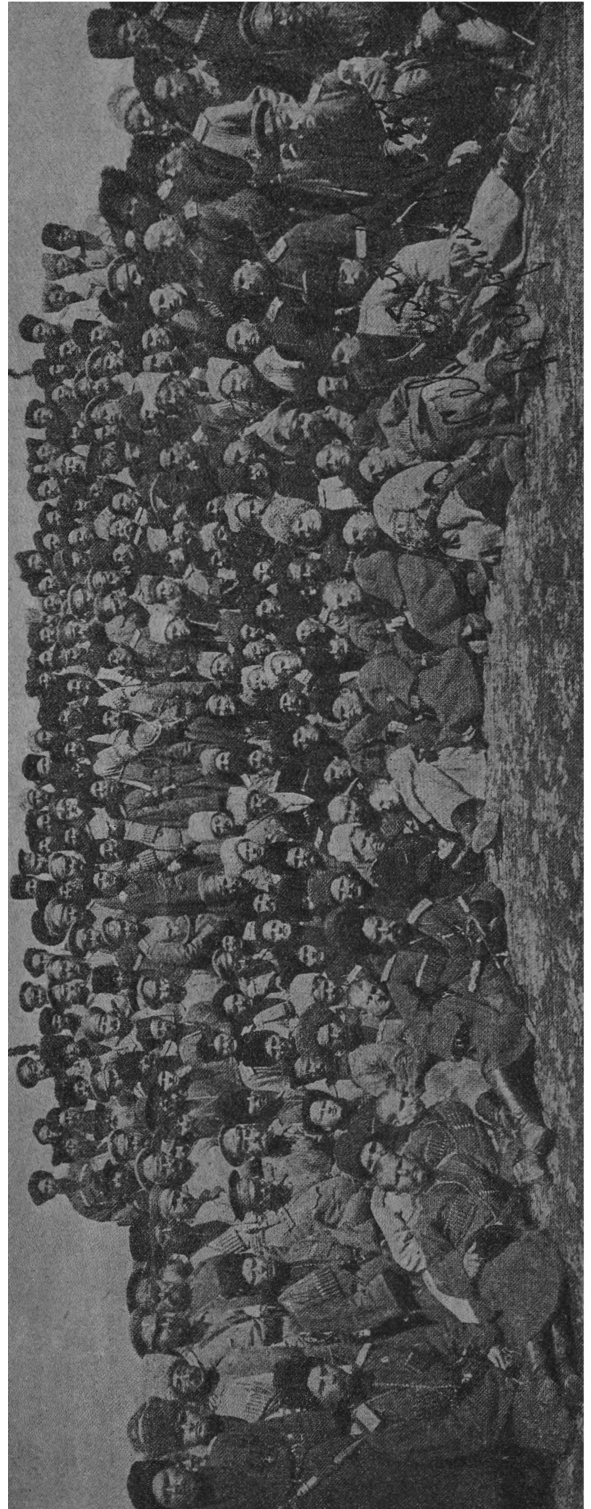
Много таким образом пластуны переменили корпусов, в состав которых на короткое время обычно входили и вот, однажды, вошли в состав одного из конных корпусов генерала К-а. Предстояло овладеть сильно укрепленной высотой 393 (кажется так). Сближение с противником и подход к этой позиции предполагалось произвести ночью, а с рассветом приказано было начать самый бой. Однако, по каким-то соображениям, или недоразумениям высшего штаба, пластуны в полной боевой готовности простояли в лесу всю ночь, а с рассветом приказано было идти в наступление по совершенно открытой местности.

Не смутило пластунов и это обстоятельство. Спокойно и уверенно они под сильным огнем противника подошли к проволокам, местами в двенадцать рядов, по своему способу забросали ее бурками и взяли высоту; прошли до артиллерийской коновязи, которую австрийцы в поспешном отступлении оставили вместе с лошадьми, когда было получено приказание отойти назад, в лес, с которого было начато наступление.

Как известно, всякое отступление влечет за собою потери в несколько раз превышающие таковые при наступлении, т. к. применение к местности и использование закрытий почти исключается, но пластуны имеют еще один органический и природный обычай, весьма увеличивающий эти потери. Они никогда при отступлении не оставляют на поле боя своих раненых казаков и офицеров. Понятно, что когда раненого несут два и до четырех человек, получается группа, а австрийцы имели так много артиллерийских снарядов, что охотно открывали огонь и по таким группам. Чуть же пластуны отойдут и закрепятся на новой позиции, в первую же ночь найдут и повытаскают с поля сражения всех своих убитых, а там, в хозяйственной части батальона, их забьют в гроб и поездом отправят на Кубань, куда уже заранее, в управление отдела, послана телеграмма о их приеме. Опасен и убыточен был этот обычай пластунов, но начальство терпело, не решаясь трогать эту, как-ни-как величественную и трогательную казачью традицию. Не похвалят после и в станице, если оставить убитых в руках противника.

Бой кончился, закрепились. К концу второго дня только удалось произвести точный подсчет убитых и раненых и числа оставшихся и израсходованных патронов, — всего того, что обычно после такого боя требовалось выполнять. Огневой бой так и не прекращался все эти дни. Прибыли и были распределены прибывшие с Кубани пополнения.

На третий день командир корпуса об'езжал тылы позиции. В свите были и вызванные для этого командиры батальонов. Ехали по просекам густого леса. Вдруг, впереди ехавшего в голове этой кавалькады графа, промелькнуло и спряталось в заросли что-то серое. „Стоп! Держи! Дезертир!..“ закричал граф. Конвой быстро спешился и окружил спрятавшуюся фигуру.

Ее вывели и поставили перед начальством. „Ты это куда же?! А! Говори!“ грозно спросил начальник. Фигура стояла и смущенно молчала.

„Что же ты молчишь, Луника, — узнал фигуру командир батальона. Куда это ты на самом деле?“ — „На перев'язочний іду, та оце напорюся на начальство, хотів по пластунські непомітно через хмеречу пролізти, та оця культяпка проклята дуже мішає“, отвечал казак, показывая на правую руку, которая от локтя до кисти в несколько слоев была обвязана полотнищем походной палатки, представляя из себя действительно какую-то бесформенную куклу.

„А это что же у тебя?“ спросил граф.

„Та ось кисть руки мені одірвало, оце як наступали на висоту 393“.

„Что же ты там сидел в сотне все эти три дня?“

„Та звода нікому було передать“, отвечал взводный урядник Луника, „а сьогодні прийшли пополнение, і козаки, і урядники, і офіцери, ну командір сотні і приказали мені сдать звод новому, а мені іти на перев'язочний пункт. Я і йшов, а як побачив велике начальство, стало мені совісно, що не в формі, та в грязюці, ну я і шмигнув у хмеречу“.

„Казакі всегда затаивают болезни в мирное время, а в отчетностях после боев всегда число убитых и раненых показывают меньше действительного“, сказал начальник штаба. „Может быть оно и так, только вот во всем мире не найти вам равного нашим казачьим войскам, а если найдете, так я вам в ноги поклонюсь“, с горечью подумал командир батальона, уверенный, что корпусной непременно тут же поздравит Лунику с Георгиевским крестом. А он молча проехал дальше.

II. Обмен гостинцами.

По четыре и более месяца сидели пластуны в окопах на Галицийском фронте во время позиционной войны. Окопы противника в 400—600 шагах. Ни одна ночь не проходила без того, чтобы каждая сотня не высылала свою разведку к заграждениям австрийцев, — то для захвата часовых, то для снятия рядов проволоки, чтобы знать какая она, а то просто так, для развлечения.

Ночью всегда неумолчно трещал ружейный и пулеметный огонь из австрийских окопов и местность между окопами ярко освещалась ракетами. Пластуны же никогда не стреляли без надобности, а ракет и вовсе не имели.

Неподвижность и безделье были особенно досадны днем. Отражалось это и на здоровье казаков.

Были и „разнообразия“. Вот вылезет на австрийском окопе огромный солдат и кричит к нам: „Эй, казаки, идите к нам, у вас патронов нету!“ А из наших окопов сейчас же посылается ответ: „Ну, так що?... патрони нам скоро підвезуть. А от у вас хліба нема і вам його не підвезуть, бо у вас його і без війни не було“.

Часто командиры батальонов посещали стоящие сзади батареи, обменивались перспективными с'емками, намечали цели одними номерами, а с наблюдательного пункта осматривали в прекрасные цейсовские дальномеры тылы позиции. Однажды как то один из командиров увидел, что из австрийских окопов вышли два солдата, неся огромную, повидимому тяжело нагруженную корзину. Они донесли ее до середины разделявшего враждебные окопы пространства, поставили ее и ушли в свои окопы. Тот час из наших окопов вышли два пластуна. Они подошли к корзине, взяли ее и понесли к себе. Приметив хорошенько сотенный участок позиции, на котором произошло это, командир батальона спросил у командира сотни объяснение.

„Что поделаешь, господин полковник, отвечал тот. Однообразие, бездеятельность и неподвижность стали утомлять людей. Ночные разведки уже перестали действовать на нервы. От всего этого, да еще при изобилии хлеба и сытости пищи у казаков даже желудки стали слабо варить. Вот как-то австрийцы вынесли корзину, полную бутылок разных вин, коньяка и спирта. Казаки, конечно, тотчас же взяли ее к себе, доложили мне, а в обмен за это мы набили эту корзину остатками хлеба и отнесли ее на условленное место. Видно, очень это понравилось австрийцам, — каждое утро у нас и происходит этот обмен. Я все это взял к себе и даю сотне по стаканчику вина или по рюмке спирта или коньяка и замечая, что это хорошо помогает. И люди как-то веселее выглядят и с желудками лучше. Так и доктор наш находит. А доложить об этом Вам, как-то все не приходилось, не находил случая“.

III. Два Рождества.

В австрийских окопах встреча Рождества. Едва наступила ночь, тихая и темная, у них в окопах слышится музыка, где торжественная, где и веселая. Против обыкновения, с их стороны ни одного выстрела. Долго, молча, терпели это пластуны.

„Гаврило, проси ти!“ — „Ні, іди ти!“ — „Ну, що там таке?“ услышал их урядник Хижняк. „Дозвольте, г. урядник, до окопів австрійських підповзти, дуже цікаво, що вони там роблять. Та може якоюсь і музикою розживемось, дивіться, як шпарять, а у нас нічогогось нема...“ — „Підждіть, ось спитаю к-ра сотні, то я і сам з вами піду“.

Четыре пластуна, с урядником Хижняком во главе, через полчаса пошли к неприятелю. Снять замечавшегося часового из его ямы, обнесенной проволокой и выдвинутой за 50 саж. вперед окопов, не составляло труда. Потом, связавши и заткнувши рот пленнику, группа поползла к самым окопам. Австрийцы веселились, как вдруг четыре ручных гранаты лопнули в самой середине веселой компании, а с бруствера влетели четыре чорта. Кто еще из них уцелел, замерли от страха. А пластуны схватили гармошку и скрипку и исчезли во тьме.

Огошли двести шагов. „А ну, покажіть, що Бог послав“. Оказались: у одного лады и верхняя доска с гармошки, а у другого гриф от скрипки с колками и струнами. „Оце так добича, бісові невіри і взять нічого до діла не зуміли... бурчал Хижняк. Ще добре, що хоч часового зняли...“

Через две недели наступило наше Рождество. С Кубани, где старики, а где и наши бесстрашные казачки привезли казакам гостинцы целыми вагонами. Сало и „бурсачки“, этот исконный походный „консерв“ казачий, копченых и соленых гусей, уток, колбасы. Все это еще днем доставили в окопы. Пришли туда старики и жены. Только что смерклось, не успели казаки и лба перекрестить да сесть разговляться, как вот тебе, очередь за очередью, полетели в наши окопы артиллерийские снаряды, затем еще и еще, по всем окопам началась канонада. „Господи Ісусе, мати пресвята Богородиця!“ крестились бабы... Отомстили австрийцы нам и испортили Рождественскую ночь, хотя, слава Богу, обошлось это без потерь для нас.

„Ну, что, казачки, понюхали пороху?“ — „У-у-у, родимец их забей... да как вы тут живете, в страсти такой“, отвечали весело те. „А вы нам отпустите мужей наших в обозы, а завтра мы и домой, нехай они сами тут свое дело делают, а у нас дома свое дело, дети, хозяйство, а тут еще тебе глаза пушками повыбьют или такую шипку набьют, что и домой не доведешь“, шутили бабы с командиром сотни...

От редакции. Редакция просит читателей „В. К.“ присылать ей фотографии, характеризующие жизнь казаков за границей, для помещения в отделе „Казачья эмиграция“. Фотографии должны быть четкие и ясные.

Н. Нечуй-Левицкий.

Вдуматься — отомстить.

Уже десять лет прошло, как я оторван от Родины. Десять долгих лет я веду тяжелую борьбу за существование. Я не жалуюсь на судьбу. Я был врагом большевизма, я им и остался. Сейчас я его ненавижу еще больше, нежели тогда. Мой единственный брат расстрелян в ЧЕКА, потому что он тоже был противником красных, противником активным и опасным... Я не жалуюсь. С ним поступили так, как поступил бы он или я, если бы к нам попался коммунист. Мне больно вспоминать об этом, мне тяжело воскрешать в уме кровавые образы прошлого, но еще раз говорю: я не жалуюсь. Железный закон борьбы требует жертв... Мы знали, на что мы шли и наши противники знают, что их ожидает, в случае проигрыша. Против свершающегося и имеющего свершиться бессильны были бы не только все протесты человеческого разума, но и величайшая заповедь Величайшего Учителя: „Любите враги своя“...

Я христианин. Я верю, что если бы люди следовали этой заповеди, наша жизнь сложилась бы иначе... Но, я грешный человек и знаю, что жизнью правит не заповедь любви, а неумолимый закон борьбы за существование. Более сильные, более приспособленные должны стать в голове жизненного шествия, а все слабое, робкое, податливое должно уступить им место... Умеющие только любить и прощать, не противящиеся злу и насилию — обречены на гибель. Жизнь склоняется перед сильными, но беспощадна к слабым... Да, я приемлю завет Христа, но сам не последую ему, ибо я хочу быть живым человеком, а не живой абстракцией.

В борьбе обретешь ты право! Мы боролись, но мы были побеждены. Горе побежденным! Но мы не сдались и борьба продолжается, только в иных формах... И если когда нибудь победа склонится на нашу сторону — горе побежденным! Да, Господи, я храню Твои солнечные слова о любви в сердце моем, как зерна пшеничные в амбаре сухом, но прорастут они не прежде, чем карающий меч поразит врагов моих. Ко мне были суровы и бесчеловечны и я буду суров и бесчеловечен... Око за око и зуб за зуб. Этот закон мне роднее... Я не просил пощады, не жду снисхождения и если мне суждено дожидать часа воздаяния, у меня их тоже не будет для супостатов моих.

Откровенно говоря, я мало верю, что увижу еще когда нибудь свой Родной Край, но если я его увижу, как победитель — горе побежденным! Моя душа опустошена, мое сердце ожесточилось и загрубело. Меня уже не трогают людские страдания, ибо я видел море горя вокруг себя... Я отучился плакать, ибо не хватило бы слез, чтобы выплакать всю свою боль. В последний раз заплакал я, когда покидал берег родимой земли и, удаляясь от меня, он сам затуманился дымкой расстояния, как соленой слезой... Я нервами не болен, но тогда я не выдержал и заплакал. Мой Край Родной, увижу ли тебя когда нибудь? Быть может тот раз был — последний раз...

С тех пор закрылось сердце мое и для радостей и для печалей и я думал, что больше не заплачу. Слезы свои я берег к тому светлому дню когда снова ступлю на родную землю, окровавленную, но свободную... Я ошибся. Я заплакал сегодня, вдали от Родины, на холодной чужбине. Сегодня черной ласточкой прилетела ко мне весть из дому... Нет, прядон, не из дому, ибо его у меня больше нет. Я получил письмо от моих бедных стариков-родителей, которых „раскулачили“, или выражаясь человеческим языком, просто выгнали из дому... Выгнали на улицу, на снег, на все четыре стороны...

Я когда то знал в Т. одного еврея-круподера. Он скупал по-дешевке бракованных лошадей и ими работал в своем предприятии, а когда животное до того изнашивалось, что корм вываливался у него из морды, он его выгонял за город подыхать на воле... Так и с моими родителями: из них выжали все что только могли, а когда больше выжимать ничего не осталось, их хладнокровно выгнали умирать на воле... Пока их только „расказачивали“, они еще могли жить в своем доме, а когда их стали „раскулачивать“, они лишились и крова.

Родители мои уже немолодые люди: отцу под 70, а мать на шесть лет моложе, они погибли, я это знаю. . Сегодня я их уже оплакал... Я не ропщу на судьбу за собственную долю, но я зываю к небу об отмщении за убогих родителей моих. Лишить их обоих сыновей, отнять у них плоды целой их трудовой жизни, обратить их душу в кровавую рану — разве этого мало жестоких палачам для утоления их ненасытной мести! Дать безбидным старикам возможность окончить дни свои в родном углу — разве это не требование элементарной человечности? Но красным извергам и элементарная человечность кажется „буржуазным искривлением коммунистической линии“. Чудовищнее их преступного разума ихняя жажда кровавой мести...

Прощайте же, мои дорогие страдальцы — старики! Пухом пусть будет вам родная земля, опоганенная красной дьявольщиной! Теперь один остался я в роду, один на белом свете...

Господи, я христианин, я прощаю врагам своим личные мои обиды, прощаю им гибель моего брата, смерть любимой девушки, прощаю им все терния, которые они щедрой рукой рассыпали на моем жизненном пути, но я им не могу простить глумления над моими родителями. До последнего вздоха буду призывать все силы ада на их головы, до последней судороги буду таить в сердце своем страшную клятву мести...

Не говорите же мне о любви, ибо я возненавижу и вас наравне с моими лютыми врагами. Говорите мне о святом долге отмщения и тогда вы — мой друг, мой брат. Не говорите мне: „понять — простить“, ибо тогда вы для меня непонятны и я готов заподозрить в вас бездушного лицемера. Говорите мне: „вдуматься — отомстить“, и тогда я поверю, что вам понятно человеческое горе и доступна жалость к терпящему ближнему. Тогда я поверю, что у вас есть сердце и в нем осталась еще крупица человеколюбия и сострадания... Тогда я буду видеть в вас не раба с непротивленческой душой, готового подставить левую щеку, когда его огрели по правой, а благородного, чуткого и гордого человека, сознающего собственное достоинство и равноценно готового ответить хамам, поправшим все божеские и человеческие законы...

Если вы потеряли отца, мать, брата или сына, если висельники обесчестили вашу жену, невесту, сестру или дочь, я знаю, что у вас не повернется язык сказать мне о прощении врагов, ибо в противном случае вы проявили бы неуважение к их памяти и были бы недостойны произносить их имена... Но если вы всего лишь лицемерный фарисей, не пострадавший от разгулявшегося красноресия и каркающего о всепрощении только для красного словца, тогда вы моральный пособник моих тяжких недругов и я вас ненавижу наравне с ними, ибо чувство мести — мое священное право и посягая на него, вы посягаете на то последнее, что еще у меня осталось... Не лишайте же меня хоть в мыслях переживать торжество правды. Кровь невинных вопиет об отмщении.

Братья-казаки! Читайте и помогайте распространять среди казаков журнал „Вольное Казачество—Вільне Козацтво“.

Пусть не будет казака, который бы не читал своего журнала.

Читатели, сообщайте в редакцию адреса своих знакомых и приятелей, которые еще не получают журнал „В. К.“

Сергей Макеев.

Перуанские настроения.

1. Разговор с оптимистом.

— Как живете, Иван Петрович?
 — Слава Богу, хорошо!
 — Вижу, вижу!.. Лицо у вас такое сияющее, словно от американского дядюшки миллионное наследство получили!
 — Зачем мне американский дядюшка, когда я сам скоро буду в Америке и буду, если не миллионером, то во всяком случае богатым человеком!
 — Вот как!? Не изобретение ли какое запродали?
 — Нет, ничего не изобретал, голова пока что работает вполне нормально. На землю еду, батюшка мой!..
 — Уж не в Перу ли?
 — В Перу, в Перу!
 — ? ?
 — И очень жалею, что не попал с первой группой. Ведь подумайте, столько времени придется потратить даром!..

Тут Иван Петрович не удержался и дал полную свободу своему красноречию, пытаясь убедить меня во всех выгодах, прелестях и богатом будущем переселения за океан. Я не возражал, да и не мог возражать; стоял, как на горячих углях от зависти, когда шестизначные цифры завертелись у меня в ушах.

Иван Петрович, как заправский агитатор, размахивал шляпой и со скоростью ста верст в час восхвалял заслуги первых переселенцев-разведчиков. Красочно разрисовывал реку Апуримак и строил планы на будущее, мечтая со временем перевезти всех казаков с Кубани в Южно-американские страны.

— Подумайте только: первобытный лес в десять обхватов толщины и метров в семьдесят высоты.

Черное дерево, которое ценится здесь на вес золота, в изобилии... Водопады на реке Апуримак такие, что дадут энергию на сотни заводов и фабрик. Земля плодородная, с навозом... Выкорчевывай деревья и сажай. Кукуруза родится три раза в год, пшеница — два раза, кики-мики воткнул и через восемь месяцев получишь плоды. Про картофель и говорить нечего. Растет до сказочных размеров. Что ни картошина, то прямо таки нильский крокодил!

— Трехдневный?

— Фу, я вам о деле говорю, а вы с улыбочкой!..

Иван Петрович вытер на своей изрядной лысине испарину, перевел дух и затараторил дальше.

— Кофе, какао, сахарный тростник, как у нас бурьян. А ведь это богатство?! Дичи в лесу пропасть, даже не нужно заводить ни кур, ни уток. Пошел настрелял и ешь на здоровье. Рыбы в реке уйма. Обезьянами можно торговать! Да!.. Нука предложи доктору Воронкову, так он тысячи заберет с руками и ногами. Вот проведут железную дорогу, тогда разговор другой начнется. Постройка жилищ дешевая. В крайнем случае выдолбал дупло в черном дереве и живи, да еще в несколько этажей можно сварганить. Не уступит и нью-йоркскому небоскребу. Нет, нет, что ни говори, а рай земной!..

Да здравствует казачество на реке Апуримак!!

— А индейцев не боитесь?

— Фу, есть о чем говорить! Да они к нам и близко не подойдут, знают с кем имеют дело!

— Если освободится Кубань, то как же?

— Приедем, на своих пароходах приедем, а может быть и останемся там. Что теперь на Кубани? Разоренные хозяйства, оскверненные храмы, изнасилованные жены, сестры?.. Нет, нет скорее в Перу!.. Надо, пока что, заняться испанским языком. Без языка плохо, каждый индеец надует! А вы что, разве не едите? — вдруг спросил меня Иван Петрович. Я ничего не ответил и только пожал плечами. Понимай, как хочешь!

2. Разговор с пессимистом.

Вечером того же дня я забежал на огонек к Петру Ивановичу.

— Добрый вечер, сгарина!

— Просим милости! Как раз к чаю!

— На спиртовке заманчиво шумел чайник, а Петр Иванович, заложив руки за спину, разгуливал по своей мансарде.

— Что то вы не в настроении? — спросил его.

— Какое к черту настроение! Вы слышали, что выделяют с казаками? Нет? В Перу переселяют, на землю изволите ли видеть!

— Слышал! Но ведь дело в том, что едут казаки по собственному желанию и на хороших условиях. Иван Петрович сегодня говорил мне, что там не земля, а рай... и климат и богатство, и великое будущее переселенцев!..

— Пошлите его к чертовой матери этого самого Ивана Петровича! Точно он был там и все знает! Начитался концессионерских брехней и ну повторять, как поугай. А концессионерам необходимо расхваливать, иначе никто не поедет!

— Одни хвалят, другие ругают, никак правду не узнаешь!

— Правду захотел узнать?! Правду то давно уже волки с'ели. Вот те, кто уехал, так сразу же найдут эту самую правду и вам потом расскажут!

Петр Иванович схватился за голову, заскрежетал зубами и пустил по адресу жожаков крепкое словечко.

— О, Боже! Боже! Чем только они там думают! Вместо того, чтобы удерживать казаков, а они их сами толкают в омут головой, да еще кричат на весь мир, что вот, мол, мы какие, новое войско на реке Апуримак образовываем!.. На Кубань нужно стремиться, выручать и спасать то, что осталось еще целое, не разоренное, не оскверненное... Там нас ждут, а мы новые земли открываем! Эх!.. Чайку чашечку не угодно-ли? —

Чаю мне совершенно не хотелось, но, чтобы не огорчить Петра Ивановича, согласился. Он налил в чистенькую чашечку и дрожащей от волнения рукой передал мне.

— Пишут, что климат превосходный, прямо как во Владикавказе. Это под тропиками то владикавказский климат? Идиоты! Знаю я этих писак? Да не пройдет и года, как от лихорадки начнут умирать... Земля плодородная, с навозом... А попробуй ее обработать? Выкорчевать первобытный лес не фунт изюму! Пока выкорчуют, так не найдут и костей казачьих... Заводы, фабрики, железные дороги, торговля, товаро-обмен... все в воздухе, все на ниточке висит. Необходимо десятилетия, чтобы все наладить и мало-мальски жить по человечески, а к тому времени и Кубань-Матушка освободится!

— Освободится Кубань и они вернутся! — заметил я.

— Вернутся! — передразнил меня Петр Иванович, — сначала выплаты за землю, а тогда уже получишь право на возвращение. Войско что-ли за них выплатит?! Как ни так, подставляй карман шире! Войсковая то казна итак вся разграблена, когда ее соберешь? Да у Войска и своих нужд не мало!..

Петр Иванович подошел к столу, выпил залпом стакан остывшего чая и опять зашагал по комнате.

— Зверя, рыбы, птицы, всего, видите ли, много. В горной то реке рыболовством начнут заниматься; с сетями заезжать, ха! ха! ха! А из звериного мяса на своих заводах будут консервы делать и в Европу вывозить?! Да пока начнут за зверями охотиться, так индейцы их живьем слопают! Нет, что и говорить, дело гиблое! Жаль только, что казаки слепо верят и слушают не того, кого нужно! Пусть уж Иван Петрович едет, а меня и калачем не заманишь! Потерпим еще немного...

Был поздний час. Я простился с Петром Ивановичем и вышел на улицу.

— Где же истина? — думалось мне, — как ее узнаешь?..

Думы и мысли.

Петр Крюков. (Франция).

ДОНЦАМ — „ЕДИНОНЕДЕЛИМЦАМ“.

Гей!.. Казаки!.. Вы!.. Слепые детишки!
 Что-же?.. Не видите, что-ль?..
 Все-ль не прозрели?.. Эх, вы!.. ребятишки!
 Мило ярмо вам неволь?..
 Вас все страшит от Руси отделење —
 (Нравится, видно, ярмо!)
 Что-же!.. получите „благословенье“
 Жадной Москвы, но... за то...

Дальше ...

Смотрите!..

Грех на душу смертный

Приняли вы, — казаки!
 Воле старинной казачьей — изменники, —
 Волнам священной Реки!
 Вы, — кто стыдится казацкое имя
 Бросить — как вызов — врагу:
 Вам не увидеть родные станицы,
 Дона седую волну!
 Вы!.. Нечестивцы!.. Не смеите устами
 наших святых помянуть!..
 Вы погубили их!.. там... под крестами
 Чья?.. Гей! Вы!.. Чья это рать?..
 Кто погибал за казачью свободу?
 Кто?.. Вы!.. Под флагом Донским
 Кто отдал жизнь свою Воле, народу?..

Слава вам!.. Слава лихим!..

Вы, же, — изменники Воле казацкой,
 Вспомните: где Каледин?
 Где наш Назаров, Волишинов, Разин?..
 Где удалой Булавин?..

Вы! Вы — виновники смерти отважных
 наших борцов за свой Дон!
 Вы погубили немало ватажных...
 Прбдали вы Тихий Дон!..

Вас не смутило ни что! Гей, вы!.. Люди!..
 Выродки Вольной Земли!
 Кто погубил наших всех Атаманов?..
 Кто же?..

Солдаты?..

А чья?..

Бунт?.. Революция?.. Бросьте! Довольно!
 Старая сказка Москвы!
 Вольно (вернее), а может... невольно:
 Губите Дон только вы!..

Дедовское благословение.

(Воспоминания).

Ровно одиннадцать лет, как я покинул свой родной хутор Александров на Белой речке. За это время все истрепалось и износилось. Нет ни клочка, ни нитки, которые напоминали бы мне родной дом. Осталось только одно: родительское благословение, которое храню, как свое око. Оно заставляет меня вспоминать родного батеньку, маменьку и дедушку Николая.

Седьмой уже год живу я законным браком со своей Екатериной Павловной — болгаркой, и семь лет висит благословение на иконе и перед ней теплится праздничная, скромная лампадка. С юных лет я помню, как оно висело в святом уголку родного куреня. Хорошо я знал, что это благословение дедушки Николая Ив., который благословил моего отца Савелия Николаевича.

Весною 1918 года надел он его на себя и, сев на белого коня, вышел защищать свой родной хутор от большевиков, наступать на станцию Морозовскую. Шли старые и малые, с холодным оружием — шашками, пиками, вилами и пр. Прогнали большевиков с Морозовской и вернулись с гордостью по домам. „Ишь — говорили — идут к нам за землей, у них мало ли?“

А осенью 1918 года, благословляя меня дедовским благословением родитель мой говорил: „Ну, сынок, пришло время, когда наш батюшка Тихий Дон всколых-

нулся и взволновался. Зовет нас на защиту своих седых волн. Поэтому мы, как старые так и малые ошестинимся на врага тесной стеной и твердо станем на границе отстаивать родную землю и Казачество“.

Битком стоявшие в доме служивые казаки заиграли песню: „Ой да вы прощайте отец, мать родные, вы простите сына своего. Отсчитайте дни мои часочки и гулянье братцы с вами моего. Ой да сяду я на коня гнедого, грудь слезою оболую. Ты прощай Чертковская станица и Александровский хуторок“ и т. д.

Плакали все, особенно плакала маменька родная, обливала горячими слезами девятнадцатилетнего сына, меня, своего любимца Никиту. Получивши родительское благословение, я распростился с родными и близкими, пошел служить верой и правдой батюшке Тихому Дону.

Прибыли мы в окружную станицу Константиновскую, дальше — Хутунок, Новочеркасск, Таганрог, граница Дона — речка Миус, Донец, хутора Калитвенской станицы и Воронежская жел.-дорожная ветка, где остановились на станции Евдаково, а на следующей станции Пухово — большевики.

Первая и четвертая сотни нашего полка занимали посты. Половина нашей сотни состояла из казаков старых возрастов, а половина из молодых, а четвертая сотня наполовину состояла из старых казаков, а наполовину из не казаков, добровольцев, уроженцев Богучара.

Однажды, совершенно неожиданно, разыгрался такой случай, чуть не стоивший жизни целого полка. К вечеру того дня приехали наши добровольцы в село Крутец, сменили нас и стали на посты. Мы уехали в тыл, к штабу сотни, который находился в верстах пяти.

Проводив нас, как только смерклося, наши добровольцы сели по коням и оба взвода целиком поехали к большевикам. Большевики, узнав от них пароль и все расположения наших застав, немедленно двинулись на нас, спящих, но наткнулись на пост, который стоял за селом. Пост они легко забрали, зная пропуск, лишь одному удалось убежать и своевременно сообщить о грозящей опасности нашим патрулям. Сотня по тревоге села на коней и с соблюдением необходимых предосторожностей двинулась вперед. Недалеко от жел.-дорожной будки услышали в темноте стоны человека. Стали искать, прислушиваться и нашли изрубленного нашего казака Лук'янова, который в Крутце задержался у зазнобушки, а возвращаясь в свою сотню, наткнулся на своих „добровольцев“, перешедших к красным. Добровольцы его так изрубили, что он вскоре умер в больнице от этих ран.

Посылают меня в штаб полка с донесением. Обстановка была неизвестная, ехать было рискованно. Ночь была темная, моросил дождь. Крепко сжав в руке винтовку наготове, плотнее прижимая к груди благословение, ехал я версты три, показавшиеся мне десятком верст.

Командир полка передал через меня приказание командиру нашей сотни, чтобы шли и занимали село, которое покинули, а командиру броневика, который шипел на полотне жел.-дороги, продвинувшись вперед и открыть огонь в сторону противника. Не успел я отехать от броневика, как большевики грянули громкое „ура“ и начался ночной бой. Я оказался между двух огней, словно в аду кромешном. Тысячу проклятий посылаю я по адресу наших предателей.

В то время, как мы воевали с большевиками за казачью честь и свободу, в родном нашем хуторе арестовали нескольких наших казаков и в том числе моего родителя, который не перенес позора, не дождавшись суда, умер в больнице, а за ним скоро последовала и моя мать. Хозяйство наше, состоявшее, кроме всего прочего казачьего хозяйства, из более тридцати голов скота, осталось без призора. Только моя старшая сестрица Мария, уйдя для этого от свекрови, сохранила хозяйство.

Скоро в одном из боев я получил легкую рану и вернулся домой и здесь только узнал подробности и причину ареста. Безусловно мой отец не заслуживал ни ареста ни такой смерти. Он был настоящий казак

патриот, самостийник. Он был арестован за то, что открыто говорил всем казакам, что не нужно Донской армии переходить границу Дона и наступать на Россию, говорил, что нам нет дела до России и что нужно защищать только свою свободу. Некоторые лица из станичной и хуторской администрации, имевшие с моим отцом личные счеты, постарались использовать случай и оклеветали отца, как большевика, которым он никогда не был.

Сестра моя со слезами рассказывала сцену, как увозили моего родителя. Когда его вывели из хаты, он, садясь на бричку, запел свою любимую песню: „Ну, ты пей любочка, гуляй, моя буйная головушка, понапрасну ты головушка пропадешь и т. д.“ Кончив песню, утирая рукавом текущие слезы, проговорил: „Эх, братцы, братцы, за что казак гибнет!“.. Бричка тронулась и оборвалась его речь, обращенная к станичникам. Долго, не отставая от брички, бежали за ним его дети, маленькая Ульяна и Настасия и заплакали сироты и остались, когда бричка скрылась за бугор... И все пошло прахом, все за всю жизнь честным трудом и потом накопленное добро, и пропал ни за что старый, матерой казак, самостийник. Я не виню нашу тогдашнюю верховную власть, которые не ведали в чем дело, но проклинаю и не могу забыть наших станичного и хуторского атаманов, так не честно, не по казачьи отомстивших моему отцу за то, что тот честно восстал против их жульничества.

Дело было так. Перед выступлением против большевиков, Комитет выбрал доверенных лиц за получкой мануфактуры для всего нашего хутора.

Доверенные привезли товар ночью, скрытно, а Комитету заявили, что очередь на товар для нашего хутора еще не скоро дойдет, а привезенный товар продали тайно в другие хутора и выручили сто на сто. Получили товар на собранные хутором три тысячи рублей, а продали ровно за шесть.

Шило, конечно, в мешке не утаилось и все скоро выплыло наружу. Было собрание всего хутора, на котором председательствовал мой отец, которого весь хутор знал, как честного казака. Доверенные признались, признались на сборе и покаяться в грехе. Сбор им простил, только постановил и взыскал от них вырученные 6000 рублей. Тем дело и кончилось. Но не забыли моего отца злодеи. Попав в атаманы, они так несправедливо отомстили ему, выдумав грязное обвинение.

Мой отец, Савелий Николаевич, был казак душой и телом, любил свое Казачество всей душой и при том Казачество свободное, ни от кого независимое. После революции он говорил, что пришло то время, когда можем отвязаться от лапотников, не будем ходить защищать помещиков, а будем иметь право учить своих детей наравне с богатыми, нам казакам не нужна Москва — и на том умер. Большого усилия стоило мне после этого идти на фронт, на защиту предателей моего отца.

Прошло много с тех пор лет, но время не изглаживает из памяти лиц тех братьев наших и отцов, которые умерли за свою родину. Ибо они умерли за то, что Казачество захотело жить самостоятельно и независимо и теперь, если мы выражаем свое желание быть самостоятельными, в этом не только нет преступления, но есть и заслуга наидольше продолжающих работу во имя исполнения чаяния всего Казачества.

Мы не хотим чужого, а желаем сохранить свое, родное, кровное. Мы, казаки, хозяева нашей земли, не можем мириться с тем, что лапотники заняли наши курени и объявили себя хозяевами. Но придет, Бог даст, время когда эти незваные пришельцы побегут во свояси. Я не говорю при этом про наших коренных жителей Дона, крестьян, которые издавна жили и которые — наши граждане.

Пусть тяжка наша доля изгнания, пусть пробудем мы много лет на чужбине, среди чужих людей, но мы, казаки, будем живы и вернемся домой такими же казаками и в том же духе — в любви к свободе и справедливости, будем воспитывать своих детей, хотя русские и отворачиваются от нас и не хотят знать никакого Казачьего народа и твердят, что все мы русские. Иностранцы, с которыми нам здесь часто приходится стал-

киваться, лучше относятся к казакам, по крайней мере беспристрастно, приходится вместе и работать и гулять и никогда никаких недоразумений не бывает.

Есть одна безошибочная примета узнать хорошего казака. Как соберутся казаки досуг поделить за чаркой вина, как запоют свою казачью песню, всякий настоящий казак случайно проходивший, куда бы он не спешил, всегда зайдет и радостно послушает, побеседует с своими казаками, хотя бы и не был знаком. Великая вещь наша казачья песня, в ней всегда увидишь душу казака.

Но, как бы не прошел день, а вечером благословение перед иконой в уголок всегда напомнит мне и деда и отца моего и наш хутор Александров, что на Белой речке... И думается часто мне, что много тайн кроется в моем благословении, которое не раз меня и от смерти спасало и в будущем поможет мне перейти океан страданий и вернуться с победой на Батюшку Тихий Дон.

Казак ст. Чертковской, Н. Пискунов.

„История Войскового Гимна Кубанского Казачьего Войска“.

Полковник Елисеев. Париж, 1930.

(Вместо рецензии).

Под таким именем вышла на днях в Париже брошюра п. Елисеева, в которой он сообщает историю возникновения песни „Ты, Кубань, ты Наша родина“ и знакомит нас с автором той песни, священником I Кавказского полка, о. Константином Образцовым.

Как и генерал Богаевский (в предисловии), скажем и мы п. Елисееву спасибо за сообщенную историю песни. Ибо, конечно, многие и многие из казаков не знали — кто, когда и при каких обстоятельствах создал песню, одно время серьезно претендовавшую стать Гимном самоопределившейся, независимой Кубанской Республики.

В „В. К.“ (см. № 11. „Кубани“) мы уже сказали о ней свое мнение, как о „песне-молитве“, как и то при каких внешних обстоятельствах и в какой обстановке она может быть „песней-молитвой“. Даже, если хотите, и гимном. Но гимном „Войсковым“, „гимном“ казачьих частей, находящихся далеко от Кубани. Гимном-же народным она, по нашему мнению, не может быть, что подчеркнул мы уже тогда. Чувствует это и п. Елисеев, так как и сам в конце своей брошюры называет ее — „Войсковая плач-молитва“. Самому-же автору песни, конечно, и в голову не могла притти мысль, что его „Плач Кубанских казаков“ может претендовать когда либо на гимн свободного казачества. Песня эта слишком „Войсковая“, полковая. Да, к тому же требующая и специальной обстановки.

Совершенно согласны мы с п. Елисеевым в том, что эта песня „ярко и выпукло“ выражает любовь „воина-казака“ к Кубани, и мощь Войска, и бесконечную тоску по Родине, и готовность сложить свои головы за ее „старую славу“.

Но вот: почему Кубань и станицы „Вольные“, когда ее „верные сыны“ в какой-то вековой неволе? Из чего видно, что она (Кубань) „Вековой богатырь“, когда ее сыны плачут невольникам плачем и за какую ее старую славу кладут животы свои?

Подогнать эту песню под гимн Вольного Кубанского Казачества никак нельзя, ибо из нее слишком бесцеремонно выпирает наружу не вольность, а подневольность казачья. Подневольность, которую казаки ублажают „плачем“, плачем-песней.

Кубанское казачество имеет свое богатое историческое прошлое и не утеряло воли к самостоятельной творческой жизни в будущем, чтобы иметь своим гимном песню, нуждающуюся в некоторой „натяжке“ для этой роли. Песня эта не выражает как раз главного: „борьбы, кровавой борьбы за свой порог и угол“, а говорит только о борьбе за славу старых знамен, дарованных, за доблестную службу кубанцам... не Кубанью, а кем-то весьма от Кубани далеким.

Нисколько не умаляя ее достоинств как песни — ни со стороны формы, ни содержания, ни музыкально-

сти — протезировать ее на место гимна куб. казаков считаем актом не отвечающим ни духу, ни интересам казачества.

Такая, какая есть она, в будущем гимном остаться не может (даже если-бы сейчас и была признана гимном), ибо — если мы останемся и впредь „служилым сословием“, — мы ее будем петь, как плач на „реках вавилонских“, в ней будем изливать тоску о своем Сионе и тешить себя иллюзорною „славою“. Если-же будем тем, кем хочет быть каждый казак — полновластным хозяином своей Кубани — эта песня, как гимн, не будет иметь никакого смысла.

В свое время во многих казачьих частях (особенно пластунских) не менее, чем „ты, Кубань..“, была популярна песня: „А вже літ більш двісті“. Песня эта куда определеннее содержанием и богаче мелодией, чем „ты, Кубань..“ И пели ее казаки не менее проникновенно, чем последнюю. Но, но она слишком определенная. Без чувствительного тумана и без „славы“ за чужие интересы. И осталась только песней. Такою должна остаться (и останется) и песня: „ты, Кубань..“

Войсковой Атаман своим приказом в 1921 г. повелел считать ее „Войсковой Песней“, указав, что пение ее должно сопровождаться почестями, присвоенными гимну. А так как „каждый организованный народ имеет свой гимн, исполняемый в торжественные моменты его жизни,“ то — должны его иметь и мы. И наш гимн, гимн свободного Кубанского Казачества, гимн народный, еще ждет своего автора и своего композитора.

Столько о песне: „ты, Кубань, ты наша Родина“, как о „гимне“.

Сам анализ песни и со стороны эстетической, и со стороны психологической сделан п. Елисеевым глубоко и верно. Автор как будто еще раз пережил все невзгоды фронта и еще раз проплакал невольничьим плачем над казачьей долей, которая уже давно охарактеризована меткой поговоркой:

„Слава казачья, а жизнь...“. И с чисто внешней стороны брошюра изящна и является достойным вкладом в нашу молодую казачью литературу.

Вл. Куртин.

О казачьем с'езде.

Казаки ст-цы Кнежеви-Виноградской сердечно приветствуют „Вольное Казачество“ за идею созыва „Общеказачьего с'езда“. Давно бы пора казакам совместно обсуждать вопросы нашей тяжелой жизни и совещаться о будущем.

Нашей станицей получены недавно письма из Второго Донского Округа. Содержания писем ужасно. Все виды издевательств продельваются над населением. И разоренное Казачество не падает духом, а ждет и надеется, что Дон должен устояться. Вопрос только во времени. А поэтому на основании всех писем и информации, получаемых из Советской России считаем с'езд необходимым и как можно в скором времени. Желательно б с'езд устроить в том государстве, в котором находится инициатор этого с'езда.

Кнежеви-Виноградский ст. атаман К. Атланов.
27-III-1930. Югославия.

Казачья пресса.

„Родимый Край“.

Второй год издается журнал „Родимый Край“: вышло 10 номеров в прошлом году и 3 в текущем.

Журнал является органом Казачьего Союза, вернее его возглавления: А. П. Богаевского и Н. М. Мельникова. Материала для суждения о его направлении более чем достаточно.

Смысл и значение названия — „Родимый Край,“ должно было бы, казалось, определить и идеологию журнала. Название это заимствовано из художественного произведения донского писателя Ф. Крюкова, написанного им вначале восстания на Дону в 1918 г. и ставшего будирующей „прокламацией“ — зовом для развития борьбы. Значимость стихотворения не только в художественной его ценности, а и в том, что автор его казак, переродившийся было в „россиянина“ (член русской партии народных социалистов) сбросил потом духовные и идеологические чужие оковы и сам себя нашел и других стал звать к борьбе за бытие, за благо Родимого Края — за Дон, за Казачество. В этом стихотворении нет ни слова о России, т. к. Родимый Край (Дон) нужно было спасти как раз от „России“...

Но из просмотра содержания вышедших номеров, равно как и писем и статей А. Богаевского и Н. Мельникова, ясно, что идеология, сущность журнала не соответствует названию ни в понимании покойного Ф. Крюкова, ни вообще Казачества. Журналом проводится фальсификация смысла содержания „Родимый Край“ претворением его в понятие „Россия“.

В 1918-19 г.г. вся борьба Казачества за свои Края-государства казачьими вождями, вернее российскими деятелями казачьего происхождения была извращена в борьбу „за спасение России (от самой себя!), превращение похода на Москву из средства уничтожения советской власти у соседа, в цель: создание общероссийской (единой) власти деникинского или подобного происхождения.

Но, если казачьи вожди российской идеологии ни чему не научились, то Казачество многому научилось.

Ни спасти, ни освободить, ни создавать „соседей“ Казачество уже не пойдет. Это отлично и чувствуют и понимают руководители „Р. К.“, поэтому вся „политическая программа“ Донского Атамана сводится к формуле:

„Будет Россия монархией — Казачество будет служить монархии; будет она республикой — Казачество будет служить республике“.

Это уже не идеология, не программа — а российское „непротивление злу“, выдача бессрочных фальшивых векселей за казачество. А помимо этого у „Р. К.“ нет ни идеологии, ни программы.

Между „В. К.“, ставящим в основу свою конституцию казачьих краев-государств, ставящим осуществление блага их в основу всех своих стремлений и деятельности, и „Р. К.“, попирающим эти конституции, предлагающим авансом Казачество в услужение „всякой“ России, непроходимая пропасть.

Об официальной или официозной части

журнала „Р. К.“ в сущности нечего больше сказать.

Большой интерес представляет литературный отдел, особенно поскольку отражаются в нем казачьи „искания“. Они „пробиваются“ и здесь как пробивались в свое время в „Казачьем Пути“ („Пути Казачества“).

Разбор этого отдела — особая тема.

Казалось бы, исторический отдел должен был бы быть особенно богато представлен в „Р. К.“; с одной стороны, потому, что к руководителям журнала близок донской историк проф. Сватиков; с другой, в их распоряжении находятся богатые исторические материалы Донского архива, находящегося в исключительно благоприятных условиях. И после издания Донским Правительством 2-х книг „Донской Летописи“ и капитального труда проф. Сватикова — „Россия и Дон“, особо знаменательным является появление в „Р. К.“ статей или очерков по

истории Дона с искажением исторической фактической стороны. Этому пути (эволюции) „от Сватикова к Короченцеву“ мы уделим особое внимание в ближайшее время.

В информационном отделе, особенно о Родных Краях дается видимо все возможное; тем более, что этот отдел весьма деликатный — возможно давать далеко не все, что имеется, очевидно, в распоряжении редакции.

Следующий отдел — экономический, куда, видимо, переходит весь центр тяжести „Р. К.“ — в нем, повидимому, вся будущая „идеология“, программа и деятельность „Р. К.“ и его руководителей.

Вся экономика „Р. К.“ (Казачьего Союза) пока сводится к „Русскому эмигрантскому банку“ (№ 3 (13), стр. 13).

Об этом тоже следует поговорить подробнее.

Среди русской эмиграции.

Выступление г. Маслова в Белграде.

Лидер „крестьянской России“, г. Маслов, сделал в Белграде два публичных доклада — 9 и 30 прошлого марта — на тему о „настоящем положении крестьянства в СССР“.

Между прочим, в первом своем докладе, г. Маслов сообщил что существует распоряжение сов. правительства о вывозе на север с Сев.-Кавказа (читай из казачьих областей) всех бывших атаманов и вообще людей, заметных среди населения. Из Ростова н/Д регулярно три раза в неделю идут специальные поезда (введенные в расписание!) со ссыльными из казачьих краев, окруженные всегда сильной охраной.

Нельзя не отметить и одного большого противоречия г. докладчика с самим собою по вопросу о том, существует или не существует там, на нашей Родине, сепаратизм, стремление к самостоятельности. Первый раз г. Маслов утверждал, что среди населения б. Р.И. совершенно нет сепаратистических стремлений, что об этом там никто и нигде не помышляет и что так называемая „самостийность“ есть выдумка эмигрантских украинских и казачьих кругов, выдумка ни на чем не основанная, беспочвенная.

Иначе совершенно говорил тот же г. Маслов в том же Белграде через три недели. Второй раз он уже

признал, что „на Юге 65% сепаратистов, с которыми, после свержения ненавистной народу сов. власти, нам предстоит жестокая, братоубийственная война, когда должны будут пролиться реки крови. К этому нам нужно быть готовыми и не закрывать глаза на быстро приближающиеся страшные события... В этих целях самый известнейший русский генштабист разрабатывает план войны Севера с Югом, к чему, с своей стороны готовятся и украинцы... Победят, конечно, как думает Маслов северяне.“

Известно также, что в частных беседах, в более тесном кругу, тот же докладчик называл и фамилию „готовящегося“ генерала, а процент сепаратистов на Юге повысил с 65 до 85.

На бывших (и не бывших) на докладе казаков некоторые признания г. Маслова произвели большое впечатление. В самом деле, есть над чем задуматься. Невольно напрашивается вопрос — где и с кем пойдет Казачество зарубежное? Приходилось слышать казачьи ответы на последний вопрос: „Не думается, чтобы, с Москвой против своих Краев. Найдутся, вероятно, отдельные „петроградские казаки“, что пойдут вместе с Масловыми покорять казачьи станицы, но казачья масса не пойдет усмирять и уничтожать уцелевших от красных московских palачей своих же братьев казаков“...

Казачья эмиграция.

Казаки в Париже.

В декабре месяце в Париж приезжал Кубанский Атаман, генерал В. Г. Науменко. Все казаки, даже и не кубанцы, с нетерпением ожидали приезда генерала Науменко, т. к. знали, что он дает хорошую информацию не только о жизни кубанцев, расселенных по белу свету, а вообще о всех казаках.

Наконец, дождался генерала Науменко. Было оповещено через местные газеты о месте и времени собрания для собеседования. Несмотря на плохую погоду (дождь лил как из ведра), народу собралось много. Генерал Науменко подробно поделился сведениями о жизни казаков в других странах, главным образом о жизни казаков на Балканах. Нарисовал яркую картину Перуанского вопроса, который интересует многих казаков.

После собеседования был банкет, организованный местной казачьей станицей.

На собеседовании, помимо рядовой казачьей массы, виден был и кубанский генералитет, старшее офицерство, бывшие политические деятели Кубани, одним словом, было все, как полагается. Но одно бросалось в глаза, что на собеседовании не присутствовал Начальник Кубанского военного училища генерал Лебедев, а также никто из старшин училища. Впоследствии выяснилось, что тут дело не в случайности. В приказе генерала Науменко есть такая фраза: „К сожалению среди присутствовавших на собрании я не видел генерала Лебедева“. Значит можно безошибочно сказать, что генерал Лебедев умышленно не пришел, а возможно, что ему было приказано „свыше“...

Оно, конечно, было бы ничего, если бы генерал

Лебедев был только генерал Лебедев, а то ведь он является начальником того училища, откуда выходило молодое кубанское офицерство, оплот и надежда Войска. Будем надеяться, что гг. офицеры, вышедшие из училища, во главе которого стоит генерал Лебедев, не похожи на своего начальника.

Могут меня осудить, что может быть строго осуждаю поступок г. Лебедева и что слова „сожаления“ для данного случая достаточно, я и сам так думал, но изложу ниже еще один случай, который показывает, что неявка ген. Лебедева на собеседование совсем не носила случайного характера.

В течение двух-трех месяцев весь „Кзачий Париж“ лихорадочно готовился к устройству грандиозного казачьего благотворительного вечера. Был создан особый комитет, работа кипела, препятствия одно за другим преодолеваются. В Париже трудноато проявить то или иное культурное начинание, но наконец, препятствия преодолены, помещение найдено, программа составлена, исполнители ее найдены и объявлено, что вечер состоится 4-го января... „Гвоздем“ вечера был хор кубанской станицы в Париже (см. фотографию хора в № 53 журн. „В. К.“), одетый в черкески. Очень хорошо пел донской квартет, перед самым вечером вернувшийся из Америки. Все казачьи номера программы, как пение, танцы пользовались у публики исключительным успехом. Это, конечно, примут к сведению устроители казачьих вечеров и в будущем возможно меньше будут помешать номерам „классического“ балета, а также и всевозможных „оргий“.

Так вот, как сказано выше: объявлено, что вечер

состоится 4 января. Все с нетерпением ждут приближения дня. И говорю „с нетерпением“ т. к. это впоследствии и оправдалось. Публики было столько, что даже устроители, предвидевшие успех, были поражены. За два-три дня в хронике местных газет появилась такая заметка:

„4 января, в 7 часов вечера в читальне „Масак“ (3, rue Lожье, Метро Терн) состоится чашка чая и встреча всех принадлежащих к училищу для принесения взаимных поздравлений с новым годом и праздником Рождества Христового“.

Конечно, после этого стало ясно казакам, что отсутствие ген. Лебедева на собеседовании не было случайностью. Конечно, ген. Лебедев думал этим помешать успеху вечера, а возможно преследовал и иную цель. Винить в этом других чинов училища, видимо нельзя, т. к. я сам видел полковника Д. в залах.

Очень грустно, что „казачья старшина“ продельвает такие вещи и казаку не на кого равняться, не у кого поучиться хорошему. Что может сказать казак на поступок некоторой „казачьей старшины“? Спрашивается: в угоду кому это делается? Такая старшина, которая игнорирует казаков и их Атамана, Войску не нужна. Пусть остается „солдатом“, как сам себя однажды назвал ген. Лебедев на станичном сборе, куда он влетел, как в сотню юнкеров...

Может быть поведение ген. Лебедева нравится „вождям“, но казакам это не нравится.

Еф. Якименко.

25-III-1930. Париж.

Группа казаков Скоплянской общеказачьей станицы. В середине сидит атаман станицы Яков Степанович Ковзан.

Скоплянская общеказачья станица.

(Югославия).

О жизни Скоплянской общеказачьей станицы помещены заметки в журнале „Вольное Казачество“ № 41-42, 1929 г. и № 53, 1930 г. Чтобы не было ложного представления о настоящем положении вещей, считаю своим долгом пояснить, почему станица ожила.

Почему у казаков появилось стремление иметь станицу? Да потому, что станица то свое, которое связывает казаков, дает духовную пищу, вливает и поддерживает в казаках уверенность в свою силу; станица является центром, в котором спаиваются воедино лучшие жизнеспособные силы, благородные порывы казаков и расплавляются недостатки отдельных личностей, теряясь в добрых особенностях остальных. Станица — выразитель взглядов и мнений своих казаков. Без ста-

ницы — казаки беженская пыль, носимая ветром политических течений, со станицей — казаки сила, с которой нужно считаться.

Заслуга в создании станицы, по моему, не только лично моя. Правда, мне пришлось (особенно по началу) бороться и с ложными доносами и с провокацией противников Казачества, и с бабьими сплетнями несочувствующих стремлениям казаков — „господ“. Может быть все бы и провалилось в самом начале, но возможность такого исхода я предусмотрел и приложил все усилия (имея поддержку истинных казаков), чтобы такой исход предупредить и результат был блестящий. Почему? Да потому, что казаки, живя в среде братского народа — Югославян, сжились с ними, породнились, выказали свои лучшие качества, завоевали симпатии населения, завоевали теплое отношение властей. Кто о казаках скажет дурное слово? Все от казаков в восторге!

Поэтому, когда я взялся создавать и удалось создать станицу, мне было понятным теплое отношение к казакам и станице бывшего Жупана, госп. Иована Наумовича, а равно и ему подчиненного аппарата. Мне удалось добиться для станицы права выдавать легитимации членам (первая и единственная станица в Югославии), тоже благодаря доброму имени казака и благодаря беспристрастной оценке его со стороны властей.

В настоящее время, когда Жупана сменил Бан, благодаря, опять таки, беспристрастному, теплому отношению к казакам со стороны Бана Вардарской Бановины госп. Жики Лазича и ему подчиненного служебного аппарата — положение станицы еще больше укрепилось, чем станичники очень довольны; среди не членов станицы слышны выражения одобрения, а иногда и зависти.

За доброе отношение г. Бана и всех учреждений города Скопле большое им спасибо от всех казаков, а за доброе имя казака — спасибо станичникам.

Нельзя не заметить, однако, что станицу составляют на 95% рядовые казаки. А где же их бывший командный состав — офицеры? На этот вопрос каждый станичник ответит не задумываясь: „Оставили нас, ушли в русскую колонию“! Но почему? Неужели им не по духу родная казачья среда, станица, свой казачий „дѣготь“? Неужели они потеряли способность руководить жизнью казаков в беженстве? Да ведь руководили же они теми же казаками в боях против красных интернациональных разбойников?

Да! Вероятно в свое время в сердцах и умах некоторых из них слишком мало было заботы о Казачестве, а в беженстве они разменялись окончательно и, как ненужная примесь, от казаков отпали, превратились в пыль и носит их ветром от Николая Николаевича к Кириллу, Никите и пр. Потянуло их к „знати“, „вождям“... Жаль казакам, что они вышли тоже из казачьей семьи, но и в семье не без уroda.

Эту отпавшую от казаков часть офицеров осудит Казачество в будущем, но уверен, что и ту часть офицеров, истинных казаков, которые в настоящем отдают все свои силы служению казаку и Казачеству — сумеет оценить по заслугам.

В своих обращениях и письмах я не раз обращался к „отошедшим“, приглашая к сотрудничеству в станице и общеказачьей работе и повторяю, что еще не поздно им вернуться в среду казаков, своей работой принести максимум пользы общеказачьему делу и занять свои места среди казаков.

Что же касается групп казаков, разбросанных по Южной Сербии, я уверен (мою уверенность подкрепляют письма отдельных казаков), что они не замедлят влиться в Скоплянскую общеказачью станицу, чтобы легче перебороть все встречающиеся в беженстве затруднения и чтобы в одном сильно кулаке (спайке) сохранить казачий дух, одну казачью думку и иметь опорность вредному влиянию „политических проституток“, которых в беженстверосло как грибов и каждая со своим „вождем“.

Наша политическая партия — Казачество!

Наше зная — Казачество!

Наш судья — Казачество!

Спасибо великим патриотам своего отечества г. Ж. Лазичу, г. И. Наумовичу, их единомышленникам и всем приятелям Казачества, сумевшим достойно оценить казаков, гостеприимно принятых их отечеством в свою среду!

Спасибо станичникам, сумевшим и в исключительно тяжелой обстановке сохранить доброе имя казака!

Атаман Скоплянской Общеказачьей станицы

26-III-1930 г.

Я. Ковган.

Там хорошо, где нас нет.

(Из письма одного казака к другому).

Два письма послал тебе из Бразилии и нет ответа. Ты умер, что-ли? Это пишу третье. В тех письмах писал тебе о своих мытарствах, а в этом хочу сказать несколько слов о казаках, переселившихся в Перу. Приходится в сотый раз возмущаться тем легкомыслием, с каким казаки вообще относятся к вопросам жизни. Есть

казачьи организации, союзы, есть Атаманы и проч., а инициатива переселения принадлежит какому-то авантюристу Королевичу. Разве ему дороги казаки?! Да ему плавать на все — ему нужны деньги легкие и скорые! Обманом он взял концессию, обманом переселил, деньги получил и не сегодня завтра он сам улетучится, если не подвернется какая-нибудь очередная авантюра в Перу или еще где нибудь.

Здесь, в Бразилии, Королевича многие знают по работе и до революции и во время революции и знают его дела в Сербии. Люди просто удивляются, как верхи казаков могли это дело доверить такому типу. Здесь ползут самые недобрые слухи о жизни казаков в Перу. Может быть уже настал момент нашим верхам вмешаться в это дело и обратиться за защитой к Президенту Перу.

Дело в том, что казаки сделались просто рабами Королевича и под его угрозой лишены не только свободы, но даже права переписки: письма уничтожаются. У меня вначале было намерение уехать в Перу из Бразилии, но теперь охота пропала. Я уже вот 1½ года в Бразилии и толку нет. Жалею, что выехал из Польши. Передай всем казакам, всем, кто меня знает, всем, кто тебя спрашивает, чтобы в Бразилию никто и носа не показывал. Довольно, что влезли те, кто уже здесь есть, из которых многие хотят уже вернуться обратно.

Я изъездил всю Бразилию, но все мечты мои разбились. Недавно возник проект о переселении в Уругвай или Аргентину, если и там будет слухи, — вернуться в Европу. Не думай, что я односторонне смотрю на все возможности, т. е. если мне не подходит, то и другому не подойдет. Нет! Как мне, так и другому. О земледельческом хозяйстве здесь и речи быть не может, хотя здесь многие занимаются хозяйством. Главный бич Бразилии это — биши и муравьи. Ими кишит вся Бразильская земля. Растения с'едаются, люди страдают. Климат во многих местах хороший. Сейчас полная безработица. Единственно пока поддерживают нашего брата, это два больших предприятия, английское „Лайт“ и американск. „Джеральд Электрик“, которые имеют массу строительных работ. Не будь их здесь, была бы голодовка. Шлю привет. 1930 г. 6-III. Бразилия...

Калмыцкий вечер в Белграде.

Усилиями небольшого, недавно организованного „Союза Калмыцкой молодежи“, председателем которого является Санжа Меньков, а секретарем — Санжа Алексеев, был устроен в прошлое Воскресенье калмыцкий вечер. Вечер прошел в интимном кругу калмыцкой эмиграции и нескольких казаков. Против ожидания присутствовало много сербов, которые выражали свой неподдельный восторг шумными криками и аплодисментами.

Большой интерес вызвала поставленная на сцене пьеса Санжи Балыкова. Роли были распределены так: Бадьма Алдакинов играл старика, Саран Уланов — его сына, Санжа Алексеев-Санджерму — его жену, большевиков — Санжа Бурушкин, Санжа Шунгураев и Борис Кундрючков.

О пьесе можно сказать несколько похвальных слов. Бытовая сценка удалась, и хоть артисты вначале несколько смущались, но вскоре смущение прошло и середина и конец прошли более оживленно.

Сольные номера повторялись несколько раз, так как приставляющие все время вызывали участников. Большое впечатление оставили танцы и хор. Танцевали калмычки: Санджирма Михайлова, Халюка Цуцукова, Налга Бурушкина, Дорджма Джугнинова, калмыки: Петр Романов, Санжа Абушинов и Доржа Мучкаев под музыку калмыцкой балалайки (домбр), на которой с мастерством играли Халюка Цуцукова и Доржма Джугнинова.

Калмыцкий хор, хоть и маленький, всего в пять человек, тоже оказался на достаточной высоте.

Декламировали С. Алексеев — „Родной степи“ В. Седова и Б. Кундрючков стихотворение Н. З. „Пусть будут прекрасны и море, и горы!..“ („Путь Казачества“).

Хорошо спел студент Николай Букнин романс „Мне не спится в тоске по ночам“ под аккомпанимент гита-

ры, и затем казачью песню „Кольцо казачка подарила, когда казак пошел в поход“.

Вечер настало было веселый, что в ресторане „Зицко“, где он был устроен, гости засиделись до глубокой ночи.

(Соб. кор.)

В О-ве кубанцев.

29 прошлого марта в Праге состоялось годовичное общее собрание „Общества Кубанцев С. С. Р.“ с таким порядком дня: прием и исключение членов о-ва; отчет правления и ревизионной комиссии; план деятельности на 1930 год и выборы правления и ревизионной комиссии.

На собрании присутствовало около 30 человек. Председательствовал инж.-экон. Н. Штанько при секретаре Д. Троян.

По исчерпанию повестки, в состав нового правления были избраны: Гонтарь, Троян, Слива, П. Макаренко и Хатгогу.

Ходоки из Перу.

23 марта, прибыли из Перу в гор. Марсель (Франция) два казака: Усатов и Подрезов, выехавшие из Югославии с последней группой, вместе с женой ген. Павличенко.

Первый из них, приехавший зайцем на итальянском пароходе N, рассказывает следующее: он послан от всей группы ген. Павличенко, чтобы не только предупредить Войсковых Атаманов о приостановке записи в Перу, но и просить их содействовать возвращению казаков обратно в Европу.

Казаки, попавшие на реку Апуримак, находятся в очень тяжелых условиях и нет никакой надежды на улучшение. Тяжелый климат, масса насекомых, отсутствие хлеба и др. продуктов питания и жизнь в шалашах, все это привело казаков к поголовному заболеванию. Для того, чтобы заняться казакам своим трудом хлебопашеством, нужны очень большие средства и время, не говоря уже о тяжком физическом труде.

Долина Апуримак представляет из себя непроходимую чащу. Корчевка деревьев и очистка от листьев, требует большого труда и много времени. К тому же масса муравьев и др. насекомых, которые уничтожают все попавшееся на пути. Для пробы посеяли кукурузу, фасоль и др. культуры и все это было уничтожено насекомыми, с которыми бороться совершенно невозможно при настоящих условиях.

Обвиняют ген. Павличенко, который, бросив казаков на произвол судьбы, занялся джигитовкой. Даже казаки джигиты несмотря на большие сборы (до 650 либров), оставались полуголодными, а на Рождество были оставлены без куска хлеба.

После ссоры из-за дележа выручки от джигитовки ген. Павличенко с г. Королевичем — джигитовка была запрещена, а от г. Королевича отобрана концессия.

Казак Подрезов, как он сам рассказывает, по прибытии в Перу отказался войти в группу ген. Павличенко и ему было предоставлено Правительством одиночное поселение. По настоянию ген. Павличенко и г. Королевича, он был арестован и отправлен на остров как большевицкий агент и только через пять месяцев ему было разрешено выехать в Югославию.

(Подробный доклад в следующем номере).

С. Шепель.

В Брно.

На последних выборах правления Брненского хутора ОКСС избраны: атаманом — инж. А. П. Алейников (куб.), помощником ат. и казначеем Попов (дон.) и писарем инж. В. В. Карпушкин (тер.).

Казачка — доктором естественных наук.

4 сего апреля терская казачка М. Растрюгина получила диплом доктора естественных наук Карлова университета в Праге. Поздравляем.

Марсель, зал Laungery, 27 rue de la Darse.

„Пасхальный концерт-бал“,

устраиваемый Марсельской общеказачьей станицей на первый день Св. Пасхи 20 апреля. Чистый сбор будет распределен поровну: для пострадавших от наводнения во Франции и в кассу взаимопомощи Марсельской общек. станицы.

Интересная концертная программа. Общедоступный пасхальный буфет. Танцы до утра. Начало ровно в 9 час. вечера. Казаки, поддержите свой первый казачий бал. Приводите с собой гостей.

Опечатка.

В прошлом (54) номере „В. К.“, на стр. 21, в конце корреспонденции из Перу (левый столбец, 20-я стр. снизу) следует читать: „... и станичный Атаман ген. Павличенко“.

В Казачьих Землях.

Головокружение от... успеха.

Накопление богатств человечеством, до сих пор, являлось большим шагом в прогрессе (дикари все тотчас с'едают), ибо является основой экономической жизни. Поддержка всевозможного рода сбережений и их поощрение имеет большое воспитательное значение и вполне оправдывается целесообразной и присущей человеку заботой о своем будущем.

По удачному выражению одного искреннего большевика, Истрати, — С. Кавказ — „страна коммунистического дебоша“ и на Казачьей Земле не самодавляющий порядок, а кристаллизованный беспорядок. За немногим исключением, все население ненавидит коммунистов и не только не имеет права „сберегать“, но даже выражать свое неудовольствие пред различными советскими „опытами“ над живыми людьми Казачьих областей. С инакомыслящими и несогласными „стать и быть нищими“ (беднотой) ведется свыше 12 лет беспощадная борьба, вплоть до высшей меры наказания — расстрелов. Яростными усилиями коммунисты продолжают „du passé faisons table rase“ — делать из прошлого гладкую доску. В Казачьих областях идет вопрос о возможности дальнейшего обмана „советчиками“

народа и на карту поставлено решительно все, чтобы не лишиться своих лучших колоний — Кубани, Дона, Терека, Астрахани и других Казачьих Земель.

„Об успехах советской власти в области колхозного движения говорят теперь все“, так начинается в № 62 „Правды“ свою статью московский красный хан Сталин. Правда, по официальным сведениям, на Кубани коллективизировано 52% (по другим сведениям даже 76%) всех хозяйств и в ряде станиц и хуторов даже превзошли „пятилетку“. Станица Зеленчукская превысила задание на 120% и попала на почетную красную доску.

Такие „сверх успехи“, казалось, должны лишь радовать большевиков, но на самом деле они испугались и сейчас „пятятся назад“. Не слишком ли поздно спохватились московские тираны?

Ведь прекрасно известно, что пред поступлением в колхозы жители ликвидировали все свое имущество и, ставши „работниками земли“, работали с прохладцей, лишь 8 часов, требуя от заведующих колхозами пищи, одежды, помещения и приличной заработной платы... Иногда в колхозы загоняли силой при помощи пулеметов, чего не отрицает и сам Сталин: можно ли сказать с уверенностью, что „добровольность“ и учет

местных особенностей не нарушался в ряде районов?... („Правда“ № 68).

Не следует забывать того обстоятельства, что из Петрограда и Москвы посланы руководить посевной кампанией 25.000 вооруженных коммунистов (заводской актив, коммунальные работники и прочие). Ударные бригады организуют налеты на колхозы, заводы, цехи... В Донской области на шахте имени Воровского в поверхностной ячейке среди опоры большевизма — шахтовых рабочих, не оказалось ни одного коммуниста! („Правда“ № 62).

На Кубани неразбериха и путаница страшная. В этот казачий край прислали два разнородных, противоречивых плана: один план посева составлен Крайзу, другой план Крайполеводосоюзом. По схеме Крайзу распределение рабочей смены производится по числу едоков, включая в это число женщин, детей и дряхлых стариков. По Крайполеводосоюзу рабочая сила распределена лишь по числу трудоспособных и наряд выписывается лишь на 5 дней (пятидневка) причем раб. бригадам предоставлено право самим назначать работу своим членам. По плану Крайзу наряд на работы выписывается сразу на 3—4 месяца...

„Чтобы выполнить план посева, нужно прежде всего знать его“ — пишут „Известия“ № 70, от 12. III. 30. Как изучаются и исполняются большевистские планы? На Кубани по 8 раз менялись планы посева и коллективизации! У подневольных исполнителей этих планов, невольно опускаются руки пред бумажным потоком и противоречащими один другому циркулярами, распоряжениями и указами, наводившими Кубань — житницу б. России. В целом ряде Кубанских и Терских станиц еще до сих пор ничего не известно, ни о рабочих бригадах, ни о планах посева. В ст. Кушевской еще даже не получен план работ, бригады (не генералы, а советские командиры рабочих бригад) не имеют нарядов и не знают своих участков. Вообще, ст. Кушевская показывает как „не надо работать“ и плетется в хвосте других станиц: в ней собрано лишь 40% зерна для ярового посева. Во многих колхозах Майкопского района нет планов посева, посевная площадь не определена, рабочие бригады не созданы, руководители работ не выделены. В ст. Кужорской руководители отдельными отраслями хозяйства не знают своих обязанностей, не определены участки пахоты, тракторные бригады не знают своих заданий...

В первых числах марта при наступившей теплой погоде в некоторых Кубанских станицах приступили к севу. Колхоз ст. Троицкой засеял 440 г.; начался посев в ст. Кореновской, Елизаветинской и других. Сев уже начался, а еще не собрано и половины зерна для планового посева. В Павловском, Новопокровском, Брюховецком районе едва удалось собрать лишь 47% зерна. Сальский и Донской округ проявляют мало энергии в сборе семян. В Белоглинском районе положение еще хуже и к севу не готовы ряд хуторов и станиц, собравших всего лишь... 8% зерна...

Не лучше обстоит дело и с тракторами, этим любимым детищем московского правительства. В ст. Кавказской стоят 16 отремонтированных (?) тракторов и не могут выехать в поле за отсутствием автомобильных свечей. Несмотря на острую нужду в тяговой силе, районные и окружные организации ведут бесконечную переписку, а тракторы бездействуют. („Известия“ № 73). На Кубани не отремонтировано 625 тракторов. Ремонт задерживается, большей частью, из за недостатка запасных частей и технических работников. На днях в Кубанском и Армавирском округах вновь выявлено 100 „больных“, не годных для работы тракторов. Из ремонта машины выходят, по словам селькоров, нередко без крыльев, окраски, тормозов... Одна починочная мастерская ухитрилась выпустить автомобиль из ремонта без... колес! „Угроза невыхода на полевые работы сотен тракторов вполне реальна и с этим придется считаться в первую очередь“ — предостерегает „власть имущих“ № 70 „Известия“ от 12. III. 30.

Во многих станицах ремонта произведено вовсе не было, а „власти“ ограничивались лишь „бумажными“ постановлениями: „отремонтировать с.-х. инвентарь к весеннему севу...“

Не „слава Богу“ также и с животноводством... В ряде районов Северного Кавказа кормовые запасы отсутствуют, скот кормится различными суррогатами; начался падеж и распродажа за бесценок оставшейся „худобы“. На днях можно было приобрести в Праге, свинину на рынке по ценам значительно ниже чешских, экспортированную из Казачьих Земель...

Острый недостаток корма наблюдается на Урале и в ряде других тамошних районов, что грозит полным истреблением скота. В Челябинском округе, в коммуне „большевик“, пало от истощения только за февраль с. г. свыше 26 лошадей. В Петропавловской коммуне, объединяющей 1.225 хозяйств, на 32.000 гект. (в которую входят казаки, немцы и русские) пали все лошади, а тракторы стоят без починки, тщетно ожидая когда окончится перепись учреждений об „ударном ремонте с.-х. орудий“. В этой коммуне протравлено всего лишь 4% посевных семян...

С другими с.-х. культурами также безнадежно плохо и на Казачьих Землях и в других местах СССР. Посевы подсолнуха во всем СССР едва достигли 28% прошлого года плана, значительно преуменьшенного.

Как легко большевикам измышлять различные планы в Казачьих Землях и как им трудно проводить их в жизнь, видно из следующих цифр. Уже прошел весь март, а до сих пор вместо предполагаемых к засеву почти полтора миллиона гектаров удалось засеять только две тысячи с лишним гектаров подсолнечника. Обнаружилось, что в планах целого ряда крупных Совхозов Зерногresta не имеет вовсе места культура подсолнечника, этого весьма важного по своему хозяйственному значению для промышленности Кубани, растения.

До разорительной оккупации Красной Москвой Казачьих Земель, Кубань помнит иные цифры, взятые из жизни, а не из „бумажных“ большевистских планов.

На Кубани в 1909—1913 г. собиралось свыше 26 миллионов пудов маслянистых семечек ежегодно и по нашим железным дорогам перевозилось около 4 миллионов пудов подсолнечного масла, не считая местного потребления, превышавшего 2 мил. пудов. По преуменьшенному, грубому подсчету на Кубани ежегодно (до большевиков) подсолнуха засеивалось свыше 300.000 г. (В 1917 г. — 310 т. г. — Ивасюк, „Кубань“, стр. 24). Вместо 300.000 г. лишь 2 тыс. г. — это такое „достижение“, что от подобного „сверх успеха“ голова может закружиться и у не большевиков...

В связи с „общепризнанными“ успехами по коллективизации, на Дону и на Кубани наблюдается обратное явление, т. е. бегство из колхозов. В ст. Ново-Аненской (Хопер. окр.) подано свыше 243 заявлений „разочаровавшихся“ о желании выйти из колхоза, в Свердловской коммуне 143, и в Янышевской 103.

Причины такого массового ухода из коллективного хозяйства — невыплата заработной платы, отсутствие приспособленных жилищ, специальной одежды, тяжелые материальные сборы с коллективистов в пользу то „партии“, то Мопра, отсутствие руководства партийных работников, а главное, то невыносимое положение, в которое попали жители Казачьих Земель под командой красных бригадиров. Эти чуждые для Края люди, стараются лишь тем или иным способом выжать хлеб, совершенно не понимая и не интересуясь, что будет с подчиненными им разоряемыми хозяйствами...

Как бы в ответ на „разорение“ с Кубани идут слухи о восстаниях, а в Черноморских станицах на базарах передают друг другу: „скоро придут наши“ („Молот“, 15. III. 30.)

О. Батурин.

К „коллективизации“ среди донских калмыков.

Много „благоденний“ оказали калмыкам большевики: истребили 50% всего населения; разрушили, уничтожили все буддийские монастыри-хурулы на Дону со всем их духовенством; всякими посулами и ложными обещаниями, а главным образом, физическим насилием, расстрелами часть донцов увели в Ставропольскую губернию, оторвали их от старых родных мест, привыч-

ных условий жизни, окончательно разорив благостроенные калмыцкие станицы, народное хозяйство донских калмыков. В результате — родное калмыцкое гнездо разорено, а сами калмыки милостью большевиков обратились в нищих скитальцев.

Несмотря на ужасные угрозы и действительные репрессии, большая часть донцов продолжала оставаться на своих родных, насиженных местах; несмотря на дьявольские гонения на религию и все, что связано с нею, подвергаясь огромному риску, а часто неся жестокие кары, донские калмыки из осколков разбитых, разоренных, некогда красивых и богатых хурулов-храмов сооружали, создавали небольшие, бедные и убогие хурулы и, платя из своего скудного достояния бешеные налоги добивались возможности молиться в Храме Божьем; всяческими правдами и неправдами обходя советские законы, обманом, а чаще вручением соответствующей мзды местным большевикам царькам, избегая выполнения „парт-линии“, калмыки медленно, но упорно по отдельным кирпичикам собирали и воссоздавали свое разоренное хозяйство.

До какой изобретательности и находчивости они доходили в этой своей работе! И поистине казалось, что „терпение и труд — все перетрут“. Уже было очень много калмыцких хозяйств, имеющих до 30—40 голов рогатого скота с соответствующими хозяйственными постройками. Например, в Ново-Алексеевской станице таких хозяйств, нам известных, было несколько. А общее количество скота этой станицы еще в 1925 году насчитывалось в несколько тысяч голов. Теперь все это отобрано большевиками и передано колхозам, а сами калмыки остались нищими!

В деле собирания, вопреки большевикам, своего хозяйства калмыки порою прибегали к предосудительным способам. Например, наличие в одном хозяйстве двух пар быков является достаточной причиной считать его хозяина „кулаком“ и отнести его в рязряд „лишенцев“. Тогда хозяин идет в совет и делает официальное заявление, что он выделил своих двух сыновей: теперь, мол, у нас не только двух пар на хозяйство, но даже и по паре нет. Теперь мы по „закону“ имеем три хозяйства и мы бедняки, но у себя дома мы все вместе.

— „Религия — опиум народа!“ — „Духовенство — злые враги народа!“ — провозглашает власть. Нужно ругнуть духовенство? Хорошо, мы немного скривим душой, ругнем гелюнов на людях. Но у себя дома мы заплатим какой угодно налог за право молиться, пожертвуем последнюю копейку, но хурул себе построим и будем молиться.

Власть требует, чтобы семья была разрушена, чтобы дети входили в комсомол? — Хорошо! Идите, дети, в комсомол, кричите на людях о необходимости разрушить семейные устои, ругайте нас. Но у себя дома мы будем строго придерживаться старых своих дедовских порядков, соблюдать наши исторические традиции, бережно хранить наши семейные устои.

Власть требует, чтобы ее хвалили, а эмигрантов всячески поносили? Хорошо, с удовольствием. Но в своих письмах: „у нас сплошной ад, дьявол справляет свадьбу; нет сил, нет терпения переносить все их злодеяния и издевательства; когда же взойдет солнце, когда вы приедете“?..

Так продолжалась эта игра в обман уже 10 лет. Казалось, что люди уже приспособились к этой игре, к требованиям власти, к условиям новой жизни, казалось, что эту игру можно будет продолжать долго, вплоть до того счастливого дня, когда будут свергнуты большевики.

Но пришел конец 1929 г. а за ним 1930. Вместе с ними встряслась над головами населения новая, неотвратимая беда в виде „стихийной коллективизации“. Мы не будем говорить о сущности этой „стихийной коллективизации“, о ней скажут и напишут другие, более сведущие люди, но приведем несколько примеров о тех резких противоречиях между задачей „коллективизации“ и интересами населения и о той трагедии, которая уже разыгралась и разыгрывается вокруг этого дела.

Задача „коллективизации“ — достигнуть высокой производительности труда, а население говорит: „а мы решили еще покамест поработать, лето перебьемся, если перемены не будет, к осени тоже заколхозим“, т. е. когда придет охота бездельничать пойдем в колхозы. „Сталин хочет сделать (колхозы) максимально производящими, а крестьянство идет в колхоз для производственных целей“, т. е. идет туда, когда нечего

есть, чтобы прокормиться. А чтобы этой желанной для власти производительности в колхозах не было, „идя в колхозы, крестьяне предпочитают разбазаривать имущество, а не сохранять его“.

Результат этого резкого противоречия между населением и властью уже налицо, ибо „те же крестьянские хозяйства, когда были индивидуальными имели зерно для посева. Теперь, сделавшись „социалистическими“, они остались без зерна“.

Власть говорит о добровольности, стихийности вхождения населения в колхозы, но на деле: не довернешься — бьют, перевернешься — бьют. Уже имел место факт, что за уклонение от вхождения в колхоз расстреливали и за точное исполнение приказа начальства тоже расстреливали.

Власть трубит о стихийном стремлении населения к коллективизации, но население, разоренное и ограбленное, предпочитает добровольно умирать, самоаморализовать самих себя („Дни“) и бегут из „земного рая“ — СССР куда глаза глядят — в Польшу, в Латвию, в Эстонию, в Персию, в Китай.

Вся эта вакханалия неслыханных издевательствах, глумлений, ограблений населения под именем „стихийной коллективизации“ у людей „утративших всякое чувство к мукам живого человека“, у людей „морально ослепленных“, добровольных прислужников большевиков, но по непонятной причине за границей пребывать предпочитают, находит восторженный отклик.

— „Это (коллективизация) — начало новой эры, нового мира. Создается совершенно новая, небывалая в мире форма человеческого общежития. Родается новый человек с совершенно новой психологией, новым мировоззрением. „Там“ огромные перспективы, неограниченные возможности для всякого честного, способного и трудолюбивого человека. Только „там“ жизнь и кто хочет жить, а не гнить в буржуазном мире — езжайте туда! — единым хором вопят эмигрантские большевики. К этому дружному хору большевицких подголосков усердно присоединяют свой слабый голосок два-три калмыка-большевицана.

К сведению этих последних. Что „коллективизация“ не родит нового человека, не принесет ни счастья, ни благополучия человечеству, у нас совершенно не вызывает сомнения, но что она уже и сейчас принесла величайшую беду и непоправимое зло для калмыцкого народа — факт абсолютно бесспорный, не подлежащий никакому сомнению.

Вот письмо калмыка с Дона. В нем читаем: „...нас всех до нитки обобрали, ничего не оставили... Приказывают „добровольно“ входить в колхозы... Из нашей станицы пятерых, в том числе братьев (Хулхачи и Тимофей) и Лиджа Ш., которые и после ограбления их уклонились от вхождения в колхоз, арестовали и сослали. В станице Б. 35 обобранных семейств „добровольно“ записались в колхозы... Обратились в нищих, ничего своего нет“..

Ограбили до нитки... ничего своего нет... арестовали и сослали...

Вот то реальное, что единственно принесла калмыкам „коллективизация“.

Ни религии, ни калмыцкой семьи, ни калмыцкого хозяйства! Но за то — колхоз! А главное теперь калмыки лишились всякой возможности балансировать, всевозможными хитростями обходить „парт-линии“ и что нибудь создавать и собирать для себя, ибо за малейшее уклонение „арестовывают и ссылают“.

Теперь нет отдельной личности, а есть закрепощенная большевиками масса; нет индивидуального хозяйства, а есть колхоз; нет семьи, а есть пыль человеческая; нет инициативы, а есть команда начальства; нет частной, вольной жизни, а есть законом, „нормальным уставом колхоза“ регламентируемое арестантское существование; нет свободной жизни человека, а есть лишь военная муштра, аракеевщина, где не может быть свободной творческой инициативы человеческой личности, а есть фельдфебельский окрик, нудная, из рук падающая казенная каторжная работа!

Это — подлинное новое, нигде в мире не существующее явление. „Планетарный“ опыт безумных маниаков, сумасшедших над миллионами человеческих жизней.

Калмыцкое хозяйство еще раз, но окончательно разорено этой „новой жизнью“, а все способные, инициативные и честные наши братья высылаются в места не столь отдаленные, а оставшиеся обращаются в нищих скитальцев, в милых большевицкому сердцу „бедняков“, „батраков“, „пролетариев“ и т. д.

Вышел и поступил в продажу

Календарь-Альманах

„Вольного Казачества—Вильного Козацтва“

на 1930 год

Цена Календаря-Альманаха (с пересылкой): в Ч. С. Р. — 15 корон, во Франции — 15 франков, в Польше — 5 злотых, в Югославии — 30 динар, в Болгарии — 50 лева, в др. странах $\frac{1}{2}$ ам. долл.

Каждый казак должен иметь казачий календарь на 1930 год.

Библиотека „Вольного Казачества — Вильного Козацтва“.

После 1-го апреля поступит в продажу книга

Ис. Ф. Быкадорова

История Казачества

Кн. I: Происхождение Казачества. Возникновение республик Вольного Казачества — Донского, Волжского, Яицкого и Терского Войск. Основные черты их бытия в период государственной независимости (1549—1671 г.).

Обращаться по адресу редакции „В. К.“: Praha XII, Radhoštská, 9.

Цена 20 корон ч.-сл. (0.60 ам. долл.).

Открыта подписка на 1930 год
на иллюстрированный журнал литературный и политический
„ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО—ВИЛЬНЕ КОЗАЦТВО“
выходит 10 и 25 числа каждого месяца.

Условия подписки:	на 6 мес.	на год.
В Чехословакии	30 кр.	50 кр.
В Польше	10 зл.	15 зл.
В Югославии	40 дин.	70 дин.
В Болгарии	50 лева	100 лева
Во Франции	25 фр.	40 фр.
В других странах	$1\frac{1}{2}$ ам. д.	3 ам. д.

Редакция и контора: Praha - Vinohrady, Radhoštská, 9. Tchécoslovaquie.

Подписную плату посылать только по адресу редакции.